

А.КУРЛЯНДСКИЙ
ПРИ УЧАСТИИ В.КАРАВАЕВА

ВЫ НЕ БЫЛИ НА ТАИТИ?

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Глава первая

КЕША - ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Вовка рос хилым и болезненным мальчиком. Микробы и бактерии души в нём не чаяли. Стоило ему выйти из дома, они бросались к нему на шею: «Привет, Вовка! Куда ты пропал? Мы так соскучились без тебя. Пошли скорее к тебе домой. Там всегда сквозняки. Или душно, как в бане. Пошли, пошли! Ты уже чихаешь. Ну, чего стоишь?»

И Вовка шёл. С ангиной или с бронхитом. Недели две он лежал в постели, пил горячее молоко, принимал лекарства. А когда болезнетворные вирусы покидали его, то слышал на прощание: «Не грусти, Вовка. Мы скоро вернёмся. Бегай по лужам и не держи ноги в тепле. А если вспотеешь, выпей холодного «пепси». И закуси «баунти». Возьми его грязными руками за толстый, толстый слой шоколада и съешь!»

Вовка не бегал по лужам, мыл руки перед едой, мороженое ел только в сильно разогретом виде... И всё равно. День, два... И он снова в постели.

— Что у нас за ребёнок? — удивлялся папа.— Будто клеем намазанный. Всё к нему липнет. Любая зараза. Нет. Так жить нельзя. Вызовем самого знаменитого профессора. Сегодня по радио объявляли. Вот... Я даже телефон записал: «Профессор Айболит Айболитович Айболитов. Лечение щенков, котят и детей до 16 лет. От «свинок», переломов хвостов, чумок, катаров любых верхних и нижних дыхательных путей. Выздоровление гарантирую. Срок гарантии — два года».

— Странное объявление,— сказала мама.— «Лечение щенков, котят и детей до 16 лет»... Если «до 16 лет» относится к щенкам и котяткам, то это уже не щенки и котята, а взрослые собаки и кошки. А если это относится к детям до 16 лет, то при чём здесь «чумка» и переломы хвостов?

— Неважно! — сказал папа.— На радио, наверно, перепутали. Знаешь, сколько сейчас объявлений?

— А гарантия? Почему только на два года? А дальше? Пусть снова болеет?

— Нам бы два года пожить спокойно,— сказал папа.— Я дальше не загадываю. В крайнем случае, снова вызовем. И продлим гарантию.

— Ладно,— сказала мама.— Два года — это тоже срок. За два года многое может произойти. Может, я помру и не буду больше с этим ребёнком мучиться.

Папа обнял маму за плечи, прижал к своей любимой «адидасовской» майке:

— Не надо, Маруся. Вот увидишь, всё будет хорошо. Я по объявлению чувствую, это человек добрый. Раз всех лечит. И людей, и собак. Вот увидишь, увидишь.

И ещё он хотел маму поцеловать, но было воскресенье, а по воскресеньям папа не брился. И был колючим. Мама его таким не любила. Она по воскресеньям наносила на лицо дорогой крем. И папа мог своими колючками его с мамино лица счистить. Как очищают тротуары от снега. Поэтому папа только вздохнул:

— Вызовем. Обязательно вызовем!

И вызвали.

Профессор был весёлый, рыжеватый. С розовой, как у поросёнка, кожей. Он был похож на боцмана из мультфильмов. И такой он был крепкий, мускулистый, здоровый, что, глядя на него, сразу хотелось делать зарядку и устанавливать рекорды.

— Ну?! — закричал он, едва войдя в комнату.— Где наш симулянт? Почему лежит, а не играет в футбол, баскетбол, волейбол?

— Тридцать восемь у него,— вздохнула мама.— Тридцать восемь. И это с утра. Представляете, профессор?

— А у меня — сорок два,— сказал профессор.— И с утра и всегда. И тапочки, и сапоги. Всё сорок второго размера!

И он захохотал. И папа, и мама тоже улыбнулись. Стало ясно. Он поставит Вовку на ноги.

Профессор заглянул в Вовкин рот. Затем в нос и уши. Потом долго мял живот, будто искал там золотые монеты. Стучал по коленкам молоточком. Ноги сами подскакивали, словно чужие. Ещё он задавал Вовке глупые вопросы: «Где у тебя нос, покажи! А с закрытыми глазами?»

Наконец, он успокоился. Сложил все свои молоточки и трубочки в портфель и сказал:

— Пугаться нечего. Никаких страшных болезней я у вашего мальчика не нахожу. Вы слишком надеетесь на лекарства. А ему надо делать зарядку, кататься на лыжах. Кстати, много у него друзей?

— Мало,— сказала мама.— Боятся заболеть.

— Плохие друзья,— сказал профессор.— В наши времена не боялись.

— В наши времена,— сказал папа,— лекарства так дорого не стоили.

Профессор улыбнулся:

— Знаете, что я вам советую? Если люди боятся, надо животное завести. Собаку, кошку... Или хомяка. Или аквариум с рыбками. Друг ему нужен. Настоящий. Верный. Надёжный, хороший друг. Пусть даже не человек. Дружба — это великая целебная сила!

Так в доме появился Кеша. Конечно, он не был ни собакой, ни кошкой. Ни рыбкой, ни хомяком. Он был попугай. Но дела это не меняло. Кеша должен был стать Вовке настоящим другом. Как он появился? Это разговор особый...

Глава вторая

ДЯДЯ БОРЯ - ЛЁТЧИК

Дядя Боря жил на первом этаже, а Вовка на девятом. Первый этаж — самый неудобный. Любопытные с улицы заглядывают, кошки в форточку прыгают, машины гудят, собаки лают. Но дядя Боря любил свой первый этаж. Ни на какой другой его бы не променял. Потому что для человека, который в небе всю жизнь провёл, близость к земле имеет немалое значение. Какая с высоты земля? Не земля, а глобус. Ни кошки, ни собаки, даже слона не увидишь. Лес — зелёное пятно. Река — голубая верёвочка. Озеро — лужа. И как в этой луже люди купаются? Нога — и то не уместится. Нет! Совсем неинтересная с высоты земля. То ли дело — первый этаж. Любое дерево, любой листочек — вот они, прямо перед глазами. А свист ветра? А шум дождя?

Осенью откроешь окно — пряные ароматы. Всё пахнет. Влажная земля, листья, хлеб из булочной.

И улетать не хочется. В любимое небо.

Дядя Боря женился поздно. На стюардессе

Наташе. Красивой, доброй и умной женщине. Она понимала: если дядя Боря на ней не женится, то останется до конца своих дней холостяком. И некому будет на старости лет ему лекарство подать или укрыть тёплым одеялом. Никто не спросит утром: «Как ты спал, дядя Боря?» Или вечером не скажет «Спокойной ночи, дядя Боря! Пусть снятся тебе только хорошие сны!»

Своих детей у них не было. Был только Вовка с девятого этажа, сын дяди-Бориного друга. И тётя Наташа, и дядя Боря очень любили Вовку. Когда он разбил большую цветную вазу из настоящего китайского фарфора, они и глазом не моргнули. А тётя Наташа сказала:

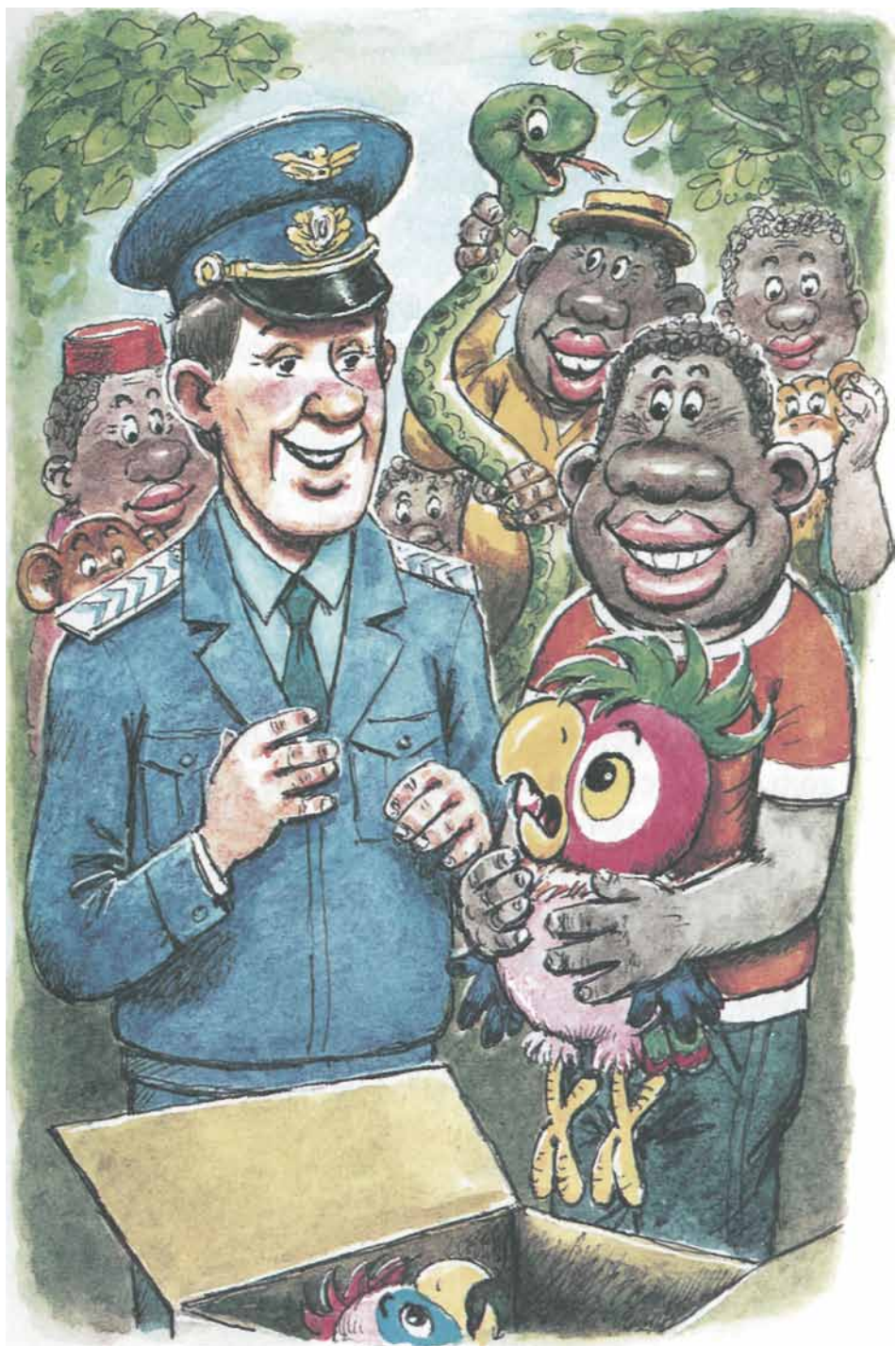
— Ваза — ерунда. Главное, что не порезался. Зачем нам эта ваза? Только мешала. Полкомнаты занимала. Я пыль с неё устала вытирать. Залезаешь на неё, как альпинист. Того и гляди, разобьёшься! А теперь, спасибо Вовке, бояться нечего!

— И хорошо, что разбил,— добавил дядя Боря.— Я в Китай слетаю, ещё больше куплю. В три этажа. Поставим на улице — пусть все любят!

Это он уже в рифму сказал, от полноты чувств.

Но в Китай дядя Боря не полетел, а полетел в Африку. В западную провинцию. Самую, самую западную. С одной стороны океан, с другой — горы, а в центре — аэродром. Вот и вся провинция. И ещё непроходимые джунгли, по краям

аэродрома. И когда самолёт приземлился, со всех сторон к нему побежали разные продавцы. Разные, потому что товары у них были разные. У одних — вкуснейшие тропические фрукты. У других — красивейшие фигурки из слоновой кости. У третьих — живой товар: змеи, черепахи и огромные попугаи. По уму не уступающие человеку. Только в Африке такие попугаи водятся. В самой западной провинции. Их всему можно обучить. И на рояле играть, и на роликах кататься. У нас они миллионы стоят, а там на каждой ветке висят. Срывай — не хочу!

Дядя Боря «срывать» их с ветки не стал, а честно купил у коричневого африканского продавца за 7 африканских тундрикков. Это около 7 тысяч рублей на наши деньги. Больше африканских денег у дяди Бори не было, хватило только на самого маленького попугая.

Но коричневый продавец в белоснежных одеждах — в рубашке белее снега, белых шортах — и с очень, очень белыми зубами сказал:

— Ты правильно сделал, дядя Боря. Много я видел попугаев, но не доводилось мне видеть более умного, более смышлёного. Бери! Бери его, дядя Боря. Он молод. Что же будет, когда он вырастет?!

Так у Вовки появился попугай Кеша. Самый смышлёный из всех и самый умный попугай на свете!

Глава третья

ВЫ ПОПАЛИСЬ, ШТИРЛИЦ!

И папа, и мама, и особенно Вовка были в восторге от Кеша. Он быстро освоился в незнакомой обстановке. Выучил новый для него русский язык. Говорил без акцента, будто родился не в Африке, а в Москве. Сам доставал из холодильника еду. Апельсины, бананы. Полюбил и обычные блюда. Сосиски с капустой, селёдку с картошкой. Но больше всего полюбил телевизор. Смотрел всё подряд. И «Санта-Барбару», и «Спокойной ночи, малыши», и «Встречи у САМОВАРА». Но особенно уважал детективы. С самого утра и до позднего вечера в квартире гремели взрывы, раздавались выстрелы, выли сирены милицейских и полицейских машин.

— Кеша,— говорил ему Вовка.— Чем смотреть всякую ерунду, взял бы книжку. Или в музей сходил.

— А чего я там не видел?

— Ничего ты там не видел. Ни художника Репина, ни картины художника Шишкина. Ни картины других великих мастеров.

— Видел. Недавно по телевизору показывали.

— Тогда, может быть, расскажешь? Какие картины они создали? — спрашивал Вовка.

— Расскажу!

Кешу было трудно переспорить.

— Художник Шишкин создавал картины про шишки. А художник Репин — про репы.

И Кеша радостно смеялся.

— Эх, Кеша, Кеша, — говорил Вовка. — И кто из тебя вырастет?

Однажды Вовка пошёл на хитрость. Вынул предохранитель. Без которого телевизор не может работать. Ночью. Когда Кеша спал.

Утром, едва проснувшись, Кеша попытался включить телевизор, но тот хранил гробовое молчание.

— Вов-ка! Во-о-вка! — завопил Кеша. — Телевизор сломался!

Вовка осмотрел телевизор и грустно сказал:

— Ничего не поделаешь. Вечером придёт папа, починит.

Целый день, пока не работал телевизор, Вовка наслаждался тишиной. Сделал все уроки. Прочитал свою любимую книжку про мифы и легенды Греции. Но вечером пришёл папа и поставил предохранитель на место.

Следующей ночью Вовка решил повторить хитрость.

Тихо, на цыпочках, пробрался в гостиную, где на диванчике спал Кеша. Подошёл к телевизору. Но едва прикоснулся, Кеша вскочил с дивана:

— Ага! Я так и знал. Я предвидел. Вы попались, Штирлиц! Сушите сухарики. Папашу Мюллера не проведёшь. Вы — русский разведчик, а никакой не Вовка. Руки на голову или буду стрелять!

Пришлось во всём сознаться. Кеша торжествовал. Он решил отомстить Вовке. Показать, кто в доме главный. Когда Вовка пришёл из школы, он придвинул телевизор к его дверям и дал такой мощный звук, что стены задрожали.

Телевизор вопил:

— Внимание! Внимание! Всем постам ГАИ. Остановите белые «Жигули»! Будьте осторожны. Преступник вооружён.

Вовка сидел за письменным столом и готовился к контрольной. Телевизор не умолкал:

— Где деньги? Говори! Или я проломлю тебе башку. Выдерну ноги. Кто убил Яшку-косога?!

Вовка достал из шкафа зимнюю шапку. Надел на голову. Опустил у шапки уши, завязал шнурки. Но и сквозь шапку доносилось:

— Получай! Ба-бах! Ещё получай! Ба-бах! И ещё! Ба-ах! Ах так?! Тах-тах-тах-тах!! Ба-бах!!

— Кеша,— попросил Вовка.— Сделай, пожалуйста, потише. У меня завтра контрольная.

Но Кеша только усмехнулся:

— А мне не слышно!

Гремели выстрелы, бандиты выясняли отношения:

— Это — за Яшку-косога! Ба-бах! А это — за Лёшку-кривого! Ба-бах!

Вовка не выдержал. Подошёл к телевизору и выдернул из розетки шнур. Кеша не ожидал такого решительного поступка.

— Ах, так? — закричал он.— Ах, вот ты как? С другом, да?! Я для него жизни не жалею... А он... Мне плохо. Воды-ы!

И шлёпнулся в глубокий «обморок». Чтобы посмотреть, как Вовка испугается.

Вовка пошёл на кухню, налил в стакан воды. И брызнул на лежащего «без сознания» Кешу.

Кеша пришёл в ярость. Он думал, Вовка будет просить у него прощения, плакать, уговаривать. Но чтобы облить водой!

— Ах, так! Ах, вот ты как с другом! Да? Ну всё. Прощай навек! Наша встреча была ошибкой.

Кеша подбежал к окну и вспрыгнул на подоконник.

— Ке-еша,— бросился за ним Вовка.

— Гуд бай, май лаф, гуд бай! — пропел на прощание Кеша. В переводе с английского это означало: «Прощай, любимый. Не поминай лихом!»

И бросился вниз. С девятого этажа.

Перед самой землёй Кеша расправил крылья, описал крутую дугу, нырнул в расщелину между домами и уселся на ветку дерева:

«Ничего. Ты у меня наплачешься. Я тебя прочу. Ох, как я тебя прочу!»

Он взглянул на Вовкино окно... И не нашёл его. Все окна в доме были одинаковые. И откуда он вылетел — неизвестно.

Глава четвёртая

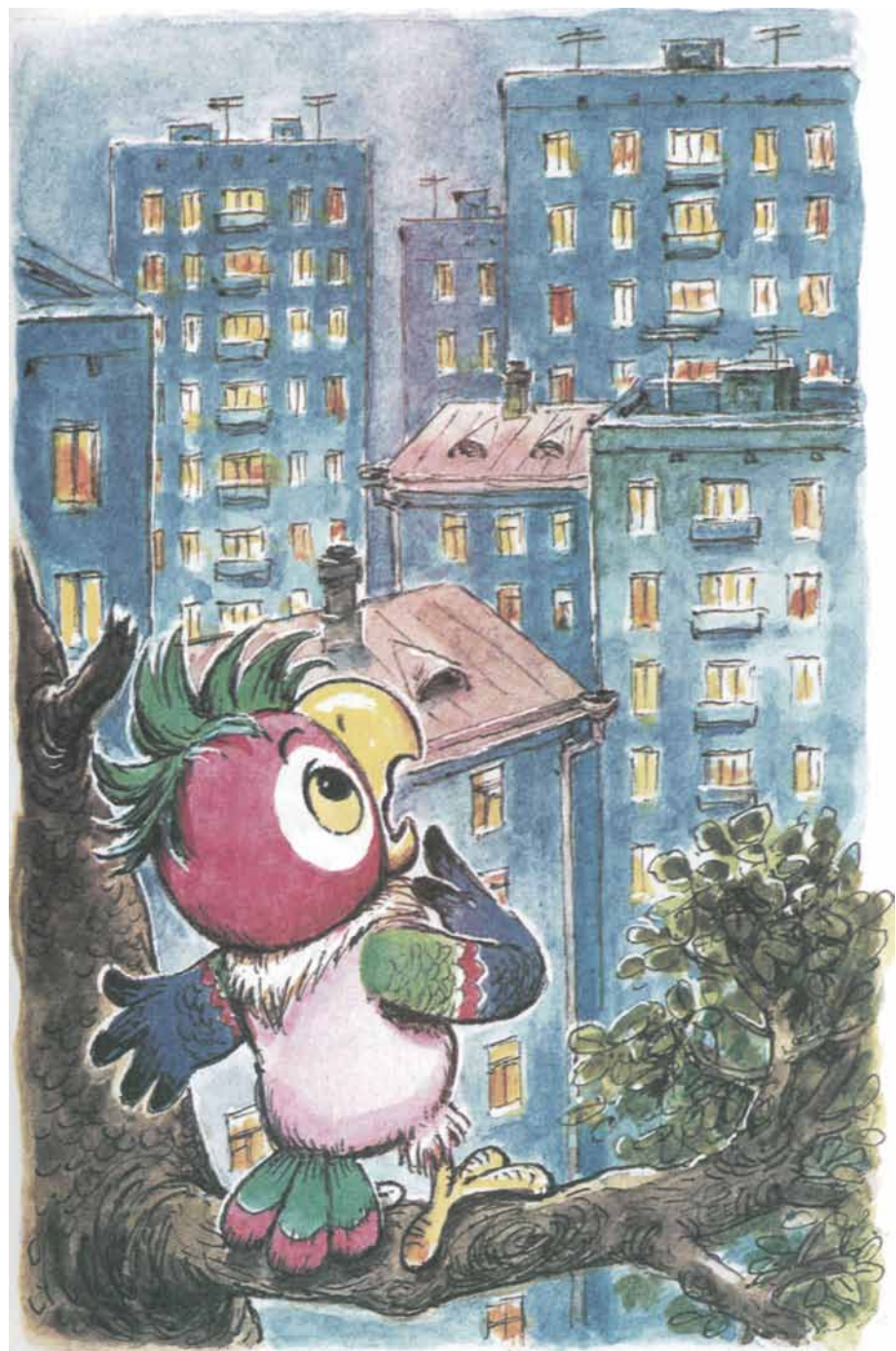
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ, НАЧАЛО НАЧАЛ...

Кто хоть раз не ночевал дома, тот поймёт Кешу. Ох, как страшно оказаться ночью на улице, на ветке дерева, в полной темноте! Со всех сторон доносятся скрипы, таинственные шорохи. Вот-вот явится абсолютно голый скелет. Как в фильмах ужасов. Или вампир. Или псих с ножом. И заорёт во всю глотку: «А-а-а! Вот ты где! Больше всего на свете я люблю жирненьких молоденьких попугайчиков!!!»

Кеша хорошо знал. В таких случаях бесполезно кричать, звать на помощь. Пока в конце фильма не появится красивый молодой полицейский и не пристукнет злодея, никто тебе не поможет.

Всю ночь Кеша не сомкнул глаз. Вспоминал родной дом. Вовку. Свой уютный тёплый диванчик. Как было хорошо! Если и объявится злодей, всегда можно выключить телевизор.

Наконец, наступило утро. Яркое, солнечное. Запели птицы, зачирикали воробьи. Вышел

из подъезда толстый ленивый Кот. Зевнул и уселся на солнышке.

У всех было утро. Все были довольны жизнью. Все. Кроме Кеши.

Старая модница Ворона достала из мусорного контейнера соломенную шляпку. Примерила. Взглянула в осколок зеркала:

— Прр-релестно!

— А дырки? — спросил Кот.— В шляпе твоей — сплошные дырки.

— Фасон такой. Дырчатый,— сказала Ворона.— Как сыр. Чем больше дырок, тем лучше.

Кот усмехнулся:

— Эх, вы! Нищета. Вам всё хорошо. Дырки от сыра, объедки. И что за народ?

Воробей Коля, который клевал засохшую горбушку, поднял голову и с завистью сказал Коту:

— Хорошо вам, на всём готовеньком. А тут прыгай целыми днями в поисках куска хлеба.

— Хлеб? — презрительно сказал Кот.— Я хлеба не ем. От него толстеют.

— А что ты ешь? — спросила Ворона.

— Рыбу. Только очень свежую. Чтоб дышала. Карпа, осетрину. Но больше всего люблю «Вискас».

— Вискас? — ахнул Коля.— Это что за рыба?

- Эх, вы, серость! - - захохотал Кот.— «Вискас» — это заграничное питание. Бывает из мяса. Кролика, баранины. Или...

Он взглянул на Ворону:

— Или из птицы.

— Из птицы? — ужаснулась Ворона.— Какой ужас! Да ты — людоед!

Воробей Коля отпрыгнул в сторону:

— Как вы можете есть? Из птицы!

— Успокойтесь. Из такой птицы, как вы, мне даром не надо. У вас и мяса-то нет. Одни кости. Из вас «Вискас» не получится.

— У меня одни кости? — возмутилась Ворона.— Я не костлявая, я стройная. Я каждое утро аэробiku делаю.

— Знаем мы вашу аэробiku,— сказал Кот.— Крутимся, вертимся. Чтоб с голоду не помереть.

И он закрыл глаза. Давая понять, что разговор закончен. Кеше стал противен этот Кот. Его внешний вид... Сытый, довольный. Таких котов, будь его воля, он бы заставил хоть одну ночь провести на ветке. Голодными. Не сомкнув глаз. Тогда бы они поняли, что почём. Правильно говорят: «Сытый голодному — не товарищ».

Кеша вспомнил Вовку. Как Вовка его любил. Утром откроешь глаза: «Кеша, иди завтракать. Ке-ша. Завтрак на столе».

И какой завтрак! Фрукты, свежие булочки, конфеты...

Кеша проглотил слюнки. Ему стало жаль себя. Он даже сказал вслух. Вернее пропел:

Ро-ди-тельский дом...
На-ча-ло начал...
Ты в серд-це моём...
Надёжный причал...

Он пел так жалобно, с таким чувством. Не хуже самого Льва Лещенко, которого частенько видел по телевизору.

И Ворона, и воробьи, и даже Кот замерли от удивления. Все обернулись в его сторону.

— Бра-во! Бра-во!

Кеша спрыгнул с ветки и поклонился публике. Каждому приятно, когда его хвалят.

— Бра-во! Бра-во!

Ворона достала припрятанный на чёрный день огрызок яблока и поднесла певцу. Коля отдал свой кусочек хлеба. А Кот... И куда девалась его лень? Подпрыгнул, вбежал в подъезд и через минуту вернулся с целой гроздью бананов:

— Примите. От восторженных зрителей.

Кеша ещё раз поклонился:

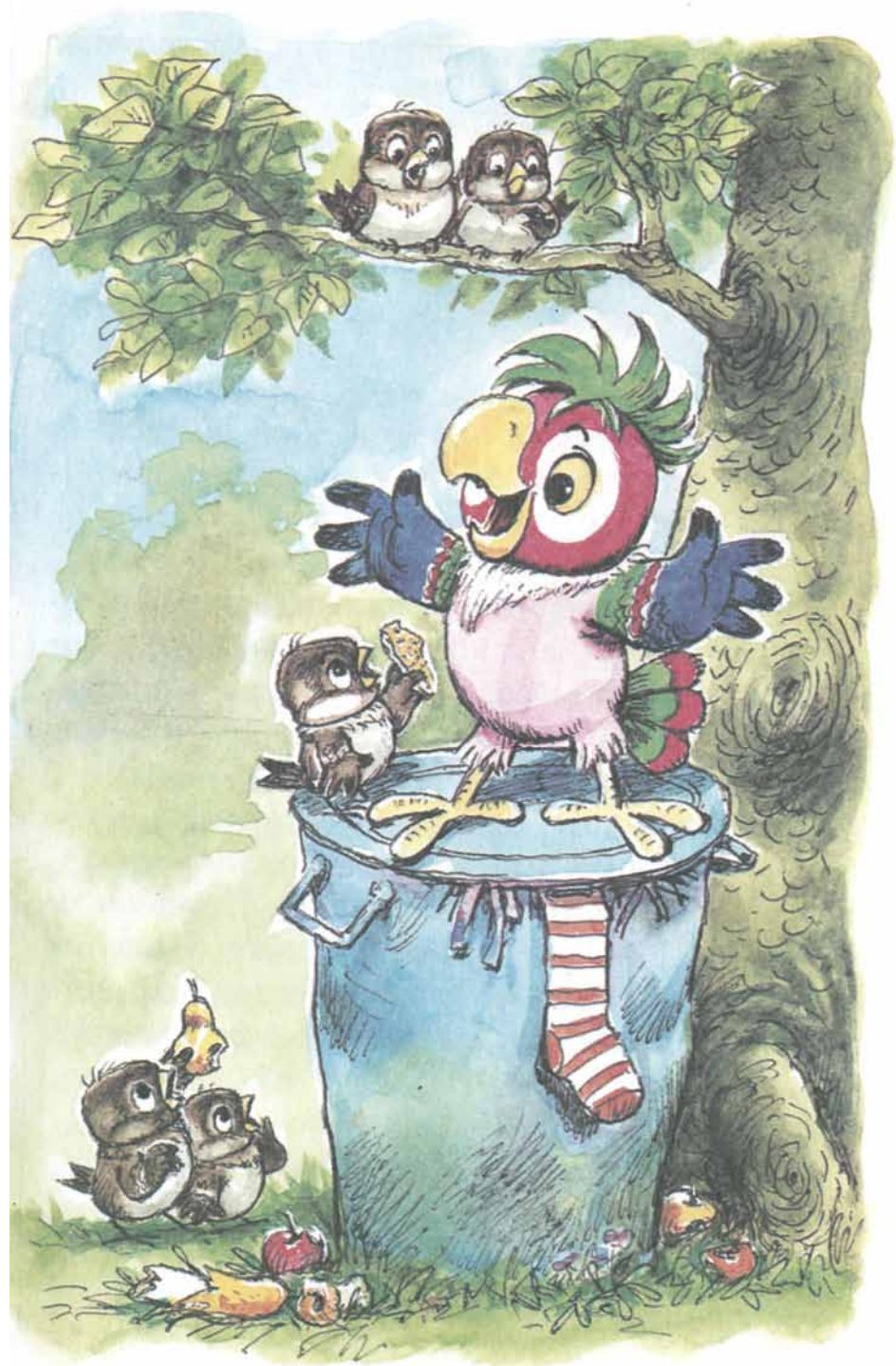
— Ну, что вы, что вы! Как-то неудобно. Зачем всё это? Не стоило беспокоиться.

А сам при этом подумал:

«Ничего, как-нибудь проживём!»

КЕША - ЗНАМЕНИТОСТЬ, КЕША - ЗВЕЗДА!

И наступила новая, необыкновенная жизнь. Все хотели видеть и слышать знаменитого Кешу. Его забавные истории.

— Прилетаю я как-то на Таити,— рассказывал Кеша,— Ветер северный, порывистый. Временами дождь. А Хрюша мне и говорит: «Вот тебе батончик «Марс». Держи! Съел — и порядок!» А я отвечаю: «Только — «Дирол»! Тройная защита от кариеса! Чистота — чисто «Тайд»!»

Зрители хохотали, аплодировали. Но Кеша не выступал бесплатно. После каждого выступления его должны были кормить. Иначе он не выходил на сцену. «Только птички бесплатно поют»,— часто повторял он фразу известного русского певца Шаляпина.— А я не птичка, я попугай!»

Однажды Кот подошёл и сказал:

— Хочешь у меня дома выступить?

— Где, где?

— У моих хозяев. Не бесплатно, конечно. Плейер получишь. Или джинсы.

Кеша чуть не задохнулся от счастья. Но виду не показал.

— А джинсы какие? Фирменные? — спросил он.

— Обижаешь, — сказал Кот. — Других не носим.

— Ну, ладно, — согласился Кеша. — Так и быть. Выступлю. Только джинсы — вперёд! До концерта.

— Хорошо, — сказал Кот.

— А после концерта — плейер!

— Будет тебе и плейер. У нас этого добра навалом.

— А во время концерта — сок. Ананасный. Двадцать банок! — не успокаивался Кеша.

Кот усмехнулся:

— Не лопнешь?

— Не-е... Я что не выпью, с собой возьму!

На следующий день, ровно в пять часов, как договаривались, Кеша нажал кнопку звонка. Дверь ему открыл Кот:

— Проходи.

Кеша прошёл.

Никогда, даже в кино про миллионеров, он не видел ничего подобного. С потолков свисали хрустальные люстры. Повсюду пальмы в деревянных бочках. А комнат столько — можно заблудиться.

— Шесть квартир объединили, — похвастался Кот. — Четыре на нашем этаже. Одну этажом выше и одну под нами.

— А так можно? — изумился Кеша.

— Нам всё можно!

Кешу ждали. За огромным столом сидело несколько крепких парней. Одинаково постриженных. В мешковатых куртках. Среди парней были и девицы. Тоже одинаковые. С длинными ногами и в коротких юбках.

— Ну?! — спросил самый здоровенный, наверное, хозяин дома.— Что ты умеешь?

— Он всё умеет,— подобострастно сказал Кот.— Такое выдаёт, обхохочешься!

— Тогда давай, чего ждёшь? Выдай нам, чтоб мы тоже обхохотались,— сказал Хозяин.

Кеше вся компания сразу не понравилась. Уж очень они себя нагло вели. Но он не подал виду. Ради джинсов и плеера стоило потерпеть.

— Прилетаю я как-то на Таити,— начал Кеша.— Вы не были на Таити?

— Были,— вдруг сказал один из парней.

— И ничего особенного,— сказала сидящая рядом с ним девица.— Океан, жарница. Вода — жуть! Живьём сварисься.

Кеша растерялся. Вопрос, который он задавал, не требовал ответа.

— Значит, вы были на Таити? — спросил он.

— Были, были! Дальше давай!

— Понятно,— сказал Кеша.— Значит, вы были на Таити. И я там был...

— Мёд, пиво пил,— сказал Хозяин.

Все засмеялись.

— При чём тут мёд? — обиделся Кеша.

— А при чём тут Таити? — спросил Хозяин.

— А притом, что прилетаю я как-то на Таити, а Хрюша мне и говорит...

— А каким рейсом летел? — спросил всё тот же парень.— Нашим или сингапурским?

Кеша обиделся:

— Вы будете слушать или нет?

— Будем, будем,— сказали все.

— Так вот,— снова начал Кеша.— Прилетаю я как-то на Таити... Вы не были... то есть вы были на Таити. А Хрюша мне и говорит: «Вот тебе «Марс». Съел и порядок...»

— Кого съел? Хрюшу?

Это сказал Хозяин, и все просто скорчились от смеха. Кеше стало так обидно, что он чуть не заплакал.

— Не буду я у вас выступать!

— То есть как это не будешь? — спросил Хозяин.— А плеер, а джинсы?

— Ничего мне от вас не надо!

— Ишь какой,— сказал Хозяин.— Обиделся. Уж и пошутить нельзя. Только ему можно. Давай выступай! Как договорились.

— Не буду!

— Значит, на принцип пошёл,— сказал Хозяин.— И у меня есть принцип. Или ты будешь выступать, или я из тебя перышки повыдергаю. Будешь голеньким, как мороженая курица.

И он направился к Кеше. Но Кеша взлетел к потолку, а потолки были высокие, чуть ли не четыре метра. Попробуй, достань. И оттуда, с высоты, Кеша крикнул своим обидчикам:

— Сами вы — мороженые курицы! Строите из себя. Расселись, развалились. А в искусстве ничего не понимаете!

— Лови его! Держи! — закричали Кешины зрители, выскакивая из-за стола.— Ты нам за всё ответишь!

Они стали кидать в Кешу яблоки, груши. Стараясь сбить его как вражеский самолёт. Но Кеша уворачивался от их снарядов, пытался добраться до открытой форточки. И это ему удалось. Последнее, что он увидел, как Хозяин запустил вслед ему кокосовый орех, но попал в люстру. Раздался грохот и звон разбитых хрустальных подвесок.

А Кеша вылетел на свободу.

Глава шестая

ОДНАЖДЫ, В СТУДЁНУЮ ЗИМНЮЮ ПОРУ

Незаметно наступила зима. Стало рано темнеть. Задул холодный ветер и оборвал все листья с деревьев. Остались самые крепкие, самые закалённые. Но и они не выдерживали. То один, то другой срывался, описывал прощальный круг и падал на землю.

Кеша жил теперь в соседнем доме, на чердаке. Прятался от холода и от владельца Кота. Кот рассказал, что хозяин поклялся его подстрелить.

Начался отопительный сезон, и на Кешином чердаке было жарко, как в Африке. Только не росли бананы и другие вкусные вещи. Даже простые батоны не росли. Даже самые дешёвые сухарики. Кешу кормил воробей Коля. Если бы не Коля, Кеша бы умер от голода. Но с каждым днём доставать еду становилось всё труднее. Зима — не лето. Снег, метели. Все продукты словно попрятались от холода.

— И что за люди? — возмущался Коля. — Влетел я в магазин. Большой такой, двухэтажный. Схватил кисть винограда. Ну, маленькую, совсем

зелёную. Так охранник взял ружье и давай по мне шарашить. Из двух стволов. Еле крылья унёс.

— Ну, а виноград где? — поинтересовался Кеша.— Где, я тебя спрашиваю, виноград?

— Не удержал. Простите.

— Трус! — закричал Кеша.— Я тут с голоду помираю, а он мне басни рассказывает!

— Не сердитесь,— оправдывался Коля.— Я на рынок слетаю. Чего-нибудь принесу.

Но Кеша не успокаивался:

— И это называется «друг». Из-за своей жалкой ничтожной жизни готов предать!

— Почему «жалкой»? — обиделся Коля.— Для меня моя жизнь вовсе не жалкая.

— Не жалкая? А кому она нужна? Кроме тебя?

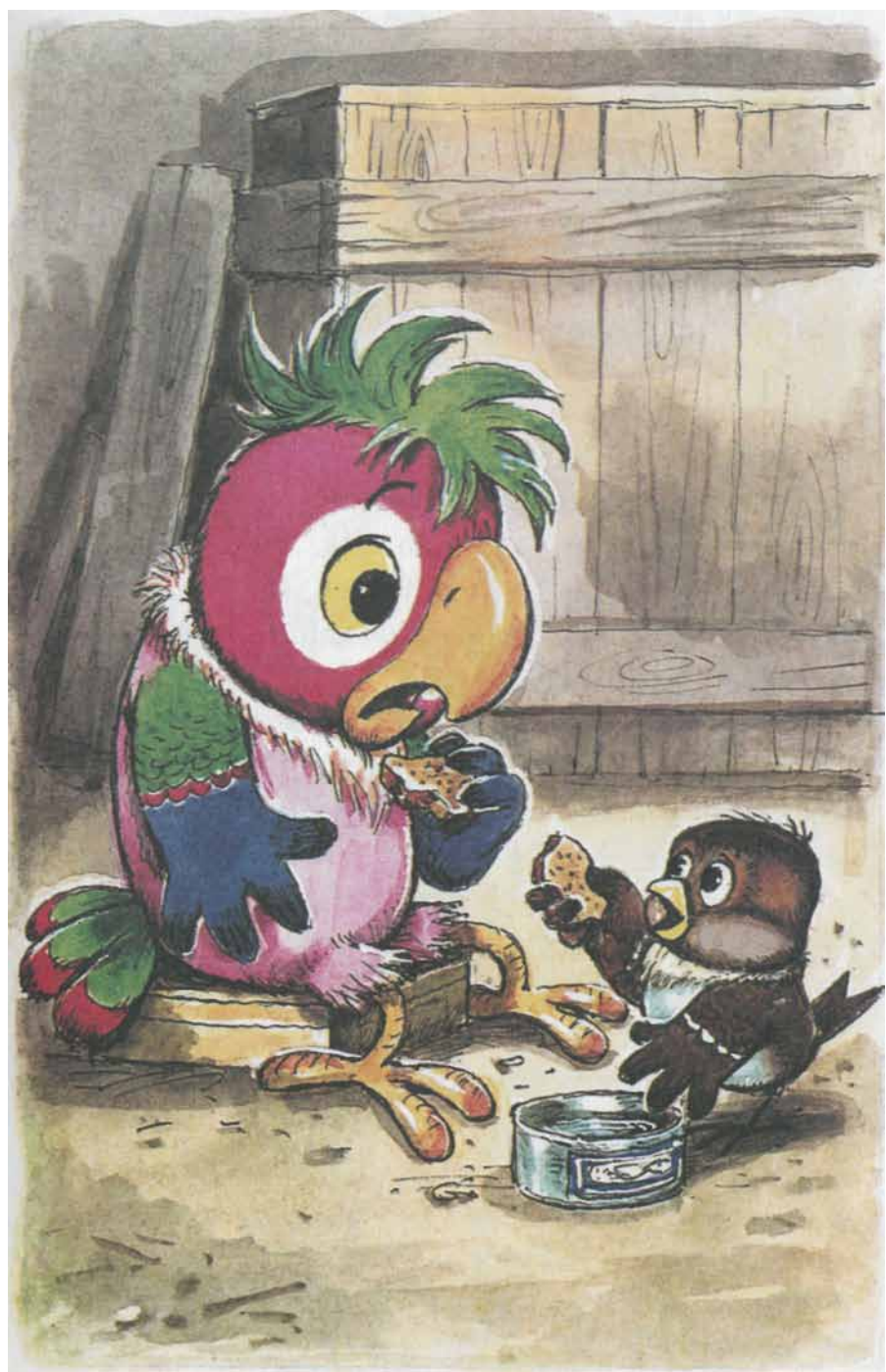
— А ваша? — спросил Коля.— Ваша жизнь кому нужна? Кроме вас?

— Моя?! Сравнил! Моя жизнь принадлежит народу. Всему человечеству. Такие, как я, рождаются раз в сто лет. В тысячу. А ты? Кто ты есть? Жалкий, серенький, никому не нужный воробьишко. Таких — тысячи, миллионы. В Китае вас просто палками бьют. Чтоб много не ели.

У Коли на глазах выступили слёзы:

— Я вообще не ем. Всё — только вам. Каждую корочку, каждую крошечку.

— Ладно,— согласился Кеша.— Обижаться не надо. Я по-дружески. Есть очень хочется. А ты давай, собирайся. Нечего засиживаться.

— Устал я,— сказал Коля.— Мне бы отдохнуть, поспать.

— После. После поспишь. Ну?.. Лети. Летите, голуби, летите...

Коля глубоко вздохнул, взобрался на раму чердачного окна... Взмахнул крылышками и растворился в снежной метели.

Час его не было, два. Кеша начал волноваться. Если с Колей что-то случится, тогда точно — помирать ему с голоду.

И тут на чердак влетела Ворона.

— Ко-о-ля! — завопила она.

— Что?? — испугался Кеша.

— Кошка. Чуть не съела. Слабый он стал, еле чирикает. Прыгнула на него... Если б не я да другие воробы... Не видать бы нам больше Коли.

Кеша похолодел. Его Коля, его дружок. Такой маленький, такой пушистенький. Чуть не погиб. Из-за него.

— Где он? — закричал Кеша.— Где мой друг сердечный?

— В подъезде. С ним Кот рядом. Дежурит.

Коля, действительно, лежал в подъезде. У радиатора отопления. Глаза закрыты, еле дышит. Кот отпаивал его валокордином.

— Угробил товарища,— мрачно сказал Кот.— А ещё друг. Такой друг хуже любого врага.

— Я?! — обиделся Кеша.— Я хуже врага? Я для Коли готов на всё. Мне жизни для него не жаль.

— Знаем,— сказал Кот.— Видели. Коля голодный, а всё тебе несёт.

Кеше стало стыдно. Они правы. Он во всём виноват. Он. Один. Во всём. И больше никто.

Он опустил голову и направился к выходу из подъезда.

— Ты куда? — удивилась Ворона.

— После узнаете!

Глава седьмая

САМ ПРОПАДАЙ, НО ДРУГА ВЫРУЧАЙ

Кеша решил твёрдо. Он спасёт Колю. Поставит на ноги. Достанет всё, что надо. Витамины, свежие фрукты. Парное молоко. Чёрную икру. Ну, что ещё? Что ещё надо, когда человек умирает? Пусть даже не человек, воробей.

Первым делом Кеша решил проникнуть в супермаркет напротив дома. С красивым заграничным названием «ЖИРТРЕСТ». Около магазина всегда стояли потрясные машины. Оттуда выходили люди с полными корзинами еды. С яркими пакетами, коробками, банками. Однажды, когда из рук молодой дамы выпала корзинка, Кеша подхватил пару банок. Дама всё равно бы не нашла: одна банка закатилась под машину, а другую он отфутболил за угол. В первой банке оказались очень вкусные сосиски. Во второй — пахнущий лимоном крем. Он и то и другое съел. После сосисок ничего особенного не произошло. А после крема он долго пускал мыльные пузыри. Крем этот был особый. Для ухода за кожей.

Кеша поднял воротник курточки и уверенно

направился к дверям магазина. Как будто он только-только вышел из подъехавшей машины.

Но его сразу остановил охранник:

— Собакам и кошкам нельзя! Здесь написано. Неужели не видишь?

— Я не кошка. И не собака,— обиделся Кеша.— Я попугай!

— Какая разница? — сказал охранник.

— Что?! — возмутился Кеша.— У кошки есть клюв? А летать ваша кошка умеет?

— Кошки всё умеют,— улыбнулся охранник.— Я сам у Куклачёва видел... Иди, иди! Или применить силу?

Кеша не стал дожидаться применения силы. Он полетел в другой магазин. Совсем маленький. Не больше Вовкиной комнаты. Он решил обменять там самое ценное, что у него было,— золотой африканский медальон — на продукты. Медальон был подарен родной бабушкой. Когда она скончалась в возрасте 173 лет. От скарлатины.

Продавец магазина был похож на актёра Роллана Быкова. Из фильма про золотой ключик. Он долго изучал медальон. Подкидывал, царапал, пробовал на зуб. Наконец, сказал:

— Приходи завтра. Я схожу в милицию. Узнаю, может, ты этот медальон украл?

— Что?! — завопил Кеша.— Его мне подарила бабушка.

— Какая ещё бабушка? — сказал продавец и повесил медальон себе на шею.

Кеша понял. Продавец просто хочет украсть его медальон.

— О'кей,— сказал Кеша хриплым голосом. Так обычно разговаривали в фильмах бандиты.— Ты прав, приятель. Я его украл. Снял с Яшки-косого. А его самого зарезал. Бритвой «Жилет». «Жилет», «Жилет»! Лучше в мире нет!

У продавца затряслись руки.

— Дай пожрать,— сказал Кеша.— Трое суток не ел.

— Бери, что хочешь,— сказал продавец.

— Всё хочу!

Кеша набрал полную сумку еды.

— А в этом баллончике что? — спросил он напоследок.

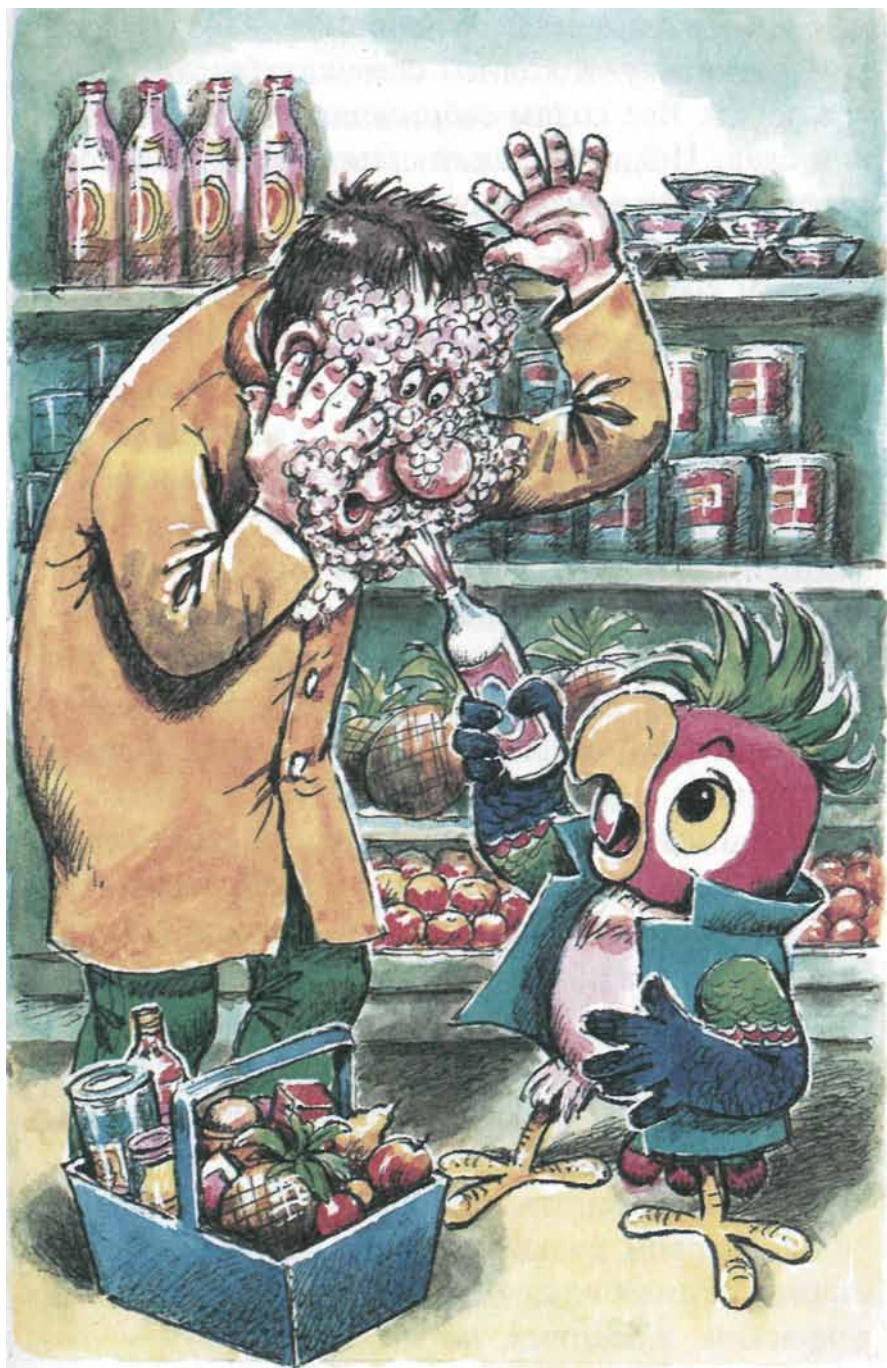
— Крем для торта,— сказал продавец.— Тут нажимаешь, а отсюда — крем. Бьёт как из огне-тушителя.

— Отлично,— сказал Кеша.— Дай мне его, приятель.

Кеша взял баллончик, направил в лицо продавцу и нажал кнопку. Из баллончика ударила струя. Продавец барахтался, как утопающий в кремовом потоке.

Кеша отобрал свой медальон и с полной корзинкой еды вышел из магазина. Он был счастлив — сейчас он спасёт Колю.

Но тут ему на плечо легла чья-то рука. Очень тяжёлая. Кеша обернулся. Рука принадлежала хозяину Кота.

— Здорово,— сказал Хозяин.— Узнаёшь? Из химчистки иду. Костюмы сдавал, рубашки. Платья, юбки. Всё соком забрызгано. На полмиллиона сдал. Цены, а? Закачаешься. Ничего не осталось. Одолжи миллион! Завтра отдам. Деньги очень нужны.

— У меня нет,— прошептал Кеша.

— Денег нет, а столько накопил. И чёрную икру, и фрукты. Два ананаса. Сок. Бисквиты, джем...

— Это для друга. Плохо ему. Умирает.

— А кому сейчас хорошо? — спросил Хозяин.

Кеша крепче обхватил сумку с едой.

— Забираю. В счёт долга. Разбогатею — отдам,— сказал Хозяин.

Кеша чуть не плакал. Он всё достал. А тут... Ну, почему ему так не везёт?!

Хозяин Кота сел в роскошный автомобиль и укатил. Кеша поднял голову. Многоэтажные здания светились огоньками. Там, за окнами, сидели люди. Ужинали или обедали. В тепле, перед телевизором. Только он один... И Коля. Холодные, голодные. Почти при смерти. Нет! Он этого не допустит. Если никто ему не поможет, он сам всё возьмёт!

И Кеша расправил замёрзшие крылья.

На первом балконе ничего не было. Кроме старых автомобильных колёс. И двух жестянок с краской. Красивых, но несъедобных.

На другом балконе — сломанный холодильник. В холодильнике — снег, пустые майонезные банки. И больше ничего.

Ещё один балкон. Ещё... И ещё...

Кеша глянул в балконную дверь. Там, в комнате, на обеденном столе... Ваза с фруктами. Печенье. Конфеты. И никого!

Кеша попробовал открыть дверь. Балконная дверь подалась. Он вошёл в комнату, осмотрелся. В углу стоял школьный ранец. Кеша вытряхнул из него учебники, загрузил ранец фруктами, конфетами, печеньем. Закинул на плечи и, весело насвистывая песенку «Конфетки-бараночки», направился к балконной двери.

Но она оказалась запертой. А около стоял паренёк лет десяти и потирал от удовольствия руки:

— А вас я попрошу остаться...

КЕША НАНИМАЕТСЯ НА РАБОТУ

Нового хозяина Кеша звали Вовкой. Но он был совершенно не похож на его прежнего Вовку. Вовка-2 был жутким лентяем. Он ничего не хотел делать. Ни учить английский язык. Ни заниматься игрой на скрипке, ни овладевать теннисным спортом. Всё, что требовали от него родители, нанимая Вовке-2 педагогов и тренеров, всё это оставляло его равнодушным. Любимым его занятием было лежать на диване и мечтать.

— Представляешь, Кеш,— говорил Вовка-2,— представляешь? Мы нашли с тобой клад. И купили остров в Индийском океане.

— Таити?

— Хорошо. Пусть будет Таити... И живём мы с тобой в хижине. На берегу океана. Целыми днями ничего не делаем.купаемся, смотрим видик и лопаем всякие фрукты. Бананы, кокосы, маракуда...

— Маракуйя,— поправил Кеша.

— А ты откуда знаешь? — удивился Вовка-2.

— У нас,— сказал Кеша,— откуда я родом, этого добра больше, чем у вас картошки. На каждом шагу растёт. Он у меня — во где!

И Кеша показал, где у него этот маракуйя. Вовка-2 позавидовал:

— Здорово. И чего ты уехал?

— Надоело! — сказал Кеша.— Всё надоело. Фрукты-овощи. Безумная роскошь одних и нищета других. Захотелось трудностей. Борьбы. Найти цель в жизни. Настоящую, большую цель. Идти к ней сквозь годы лишений. Преодолеть всё на своём пути и дойти. В жизни всегда есть место подвигу!

Кеша точь-в-точь повторил слова героя-полярника из американского фильма «Снежное безмолвие Аляски». Но Вовка-2 не видел этого фильма, и слова Кеша произвели на него сильное впечатление.

— Хорошо тебе,— сказал он.— Твоя мечта намного серьёзнее моей. Я только о себе думаю, а ты о других людях. Молодец.

— Когда о других думаешь, сам лучше становишься,— сказал Кеша.— Я всегда думаю только о других.

— Ты совсем как мои папа и мама,— сказал Вовка-2.— У папы моего мечта, как всех людей и зверей вылечить от всех в мире болезней. Даже псевдоним он себе взял: Айболит Айболитович Айболитов. А у мамы мечта: как бы меня научить всему. Английскому языку,

теннису, игре на скрипке. А у меня мечта: уехать на необитаемый остров, подальше от мамы и папы.

Раздался телефонный звонок. Кеша подхватил трубку:

— Алло?! Кто говорит? Одну минуточку...

Он жажал трубку рукой и прошептал:

— Учитель музыки.

Вовка отчаянно замахал руками.

— Это Иван Арнольдович? — спросил Кеша уже женским голосом.— Рада вас слышать. Это мама говорит. Да, его мама. Вы знаете, заболел. Да, какой-то жуткий радикулит. Не может смычка поднять... Да, да... Весь вечер играл — и нате... Или плечо скрипкой натёр, или мышцы смычком растянул... Спасибо, спасибо. Я передам...

Кеша положил трубку.

В этом и заключалась его работа. Отвечать на телефонные звонки голосом мамы или папы, когда звонят учителя и тренеры. Ещё отвечать папе и маме, когда они звонят, а Вовка гоняет с ребятами мяч или раскатывает на роликах. За это Вовка-2 платил ему жалованье. И Кеша покупал на заработанные деньги продукты для Коли.

— И вот на этом острове...— говорил Вовка.— Живём мы себе, живём. Лопаем фрукты, как вдруг находим клад.

— Ещё?! — удивился Кеша.

— Да. Ещё. Главное, начать. И что мы с ним делаем?

— Покупаем ещё остров,— сказал Кеша.

— А зачем нам два острова? — теперь уже удивился Вовка.

— Один — тебе, один — мне,— сказал Кеша.

— Ну, ты даёшь! — сказал Вовка-2.— Тебе — остров! Ну и ну... Вот это да...

— А чем я хуже тебя?

— Чем? А тем, что я — человек, а ты — попугай. Понял разницу? И ты ещё к тому же у меня работаешь. И всё, что мы с тобой нашли или найдём, принадлежит мне, как человеку и хозяину. А ты — просто наёмная рабочая сила. Тебе ничего принадлежать не может. Как моему работнику — раз. И как попугаю — два. Попугаи не имеют права на собственность. Вот и вся разница. Понял теперь?

— Понял,— сказал Кеша.— А теперь пойми ты. Неважно, кто у кого работает. Раз вместе нашли клад, значит, он общий. И неважно в данный момент, кто человек, а кто попугай. Если бы я один нашёл клад, он был бы чей?

— Мой,— сказал Вовка-2.

— Как твой? — возмутился Кеша.

— Остров мой? — спросил Вовка-2.— Мой. На нём нашли клад? На нём. На моём острове. Значит, клад, как и остров, принадлежит мне. Согласен?

— Нет. Не согласен,— сказал Кеша.

Снова раздался звонок.

— Илья Вартанович?.. Нет, он болен... Да, это его мама. Он, понимаете, вашей ракеткой натёр мозоли. И не может смычок держать, то есть ракетку...

Кеша посмотрел на Вовку-2, тот делал отчаянные знаки.

Кеша спросил шёпотом:

— А клад как? Пополам? Или...

— Пополам, пополам,— замахал руками Вовка.

— Хорошо,— сказал Кеша в трубку.— Как только поправится... Да, да, это его мама...

Кеша и Вовка-2 не видели, как дверь в коридоре открылась и в квартиру вошла настоящая мама.

Она остановилась в дверях, слушая этот телефонный разговор.

— Да,— продолжал Кеша.— Спасибо. И вам. Большое спасибо.

Кеша повесил трубку, и только тогда они с Вовкой увидели Вовкину маму.

В этот же день Кеша был уволен с работы и вернулся на свой и Колин чердак.

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО

Коле становилось всё хуже и хуже. Несмотря на усиленное питание он не шёл на поправку. Никуда не вылетал с чердака, целыми днями сидел в углу — у огромной трубы отопления. Там было особенно тепло. Вдобавок ко всему он простыл, его мучил кашель. Кеша старался его расшевелить, рассказывал всякие смешные истории, но Коля лишь грустно улыбался.

Иногда они играли в шахматы. По своим собственным правилам. Чёрных фигур было восемь, а белых — одиннадцать. Самые высокие фигуры (короли и королевы) ставились в углу доски. Они, понятно, были самые ценные. Их окружали кони, пешки и другие, название которых ни Кеша, ни Коля не знал. Задача игры состояла в том, чтобы добраться до короля и королевы противника. И свалить их с доски. Били по очереди. Клювом. Как хоккеисты клюшками. Надо было клювом ударить по своей пешке так, чтобы она полетела и развалила крепость противника. Кеша лучше играл в шахматы, у него был

клюв больше. Но чтобы доставить Коле радость, он часто поддавался. Промахивался или бил мимо. Коля каждый раз возмущался:

— Это нечестно. Я так играть не буду.

— Что нечестно?! Что?! — кричал Кеша.— Что я мимо попасть не могу? Я стараюсь изо всех сил, но мне не везёт. Что я, виноват?!

Но Колю и выигрыш в шахматы не радовал. Он продолжал кашлять, и портрет какого-то человека в углу чердака каждый раз жалобно позвякивал.

А однажды утром Коля отказался от еды. И не стал умываться. Обычно Кеша вылезал через чердачное окно на крышу, набирал кастрюлю снега. Растапливал снег у отопительной трубы. И они по очереди умывались. Кеша делал зарядку. Не потому, что хотелось, а чтобы Коле показать пример. Потом Кеша готовил завтрак. Овсяные хлопья, семечки, немного изюма. Всё это он размешивал в ржавой миске вместе с молоком или ряженкой. Сытно и питательно. В обед они ели фрукты: финики или сушёный чернослив.

Пока заработанных Кешей денег хватало, и до весны они должны были дотянуть.

Когда Коля отказался от завтрака и не стал умываться, Кеша понял — дело совсем плохо. Колю надо спасать, надо вызывать доктора. И он решил обратиться к отцу Вовки-2, Айболиту Айболитовичу Айболитову.

На следующий день тот приехал на своей красненькой, проржавевшей «Ладе». Поднялся лифтом на последний этаж. Дальше шла железная лестница-стремянка к чердачному люку. На ушках люка висел тяжёлый замок. Но Кеша давно подобрал к нему ключ из множества ключей, валяющихся на чердаке.

Айболит Айболитович долго не мог отдышаться, принимал валидол.

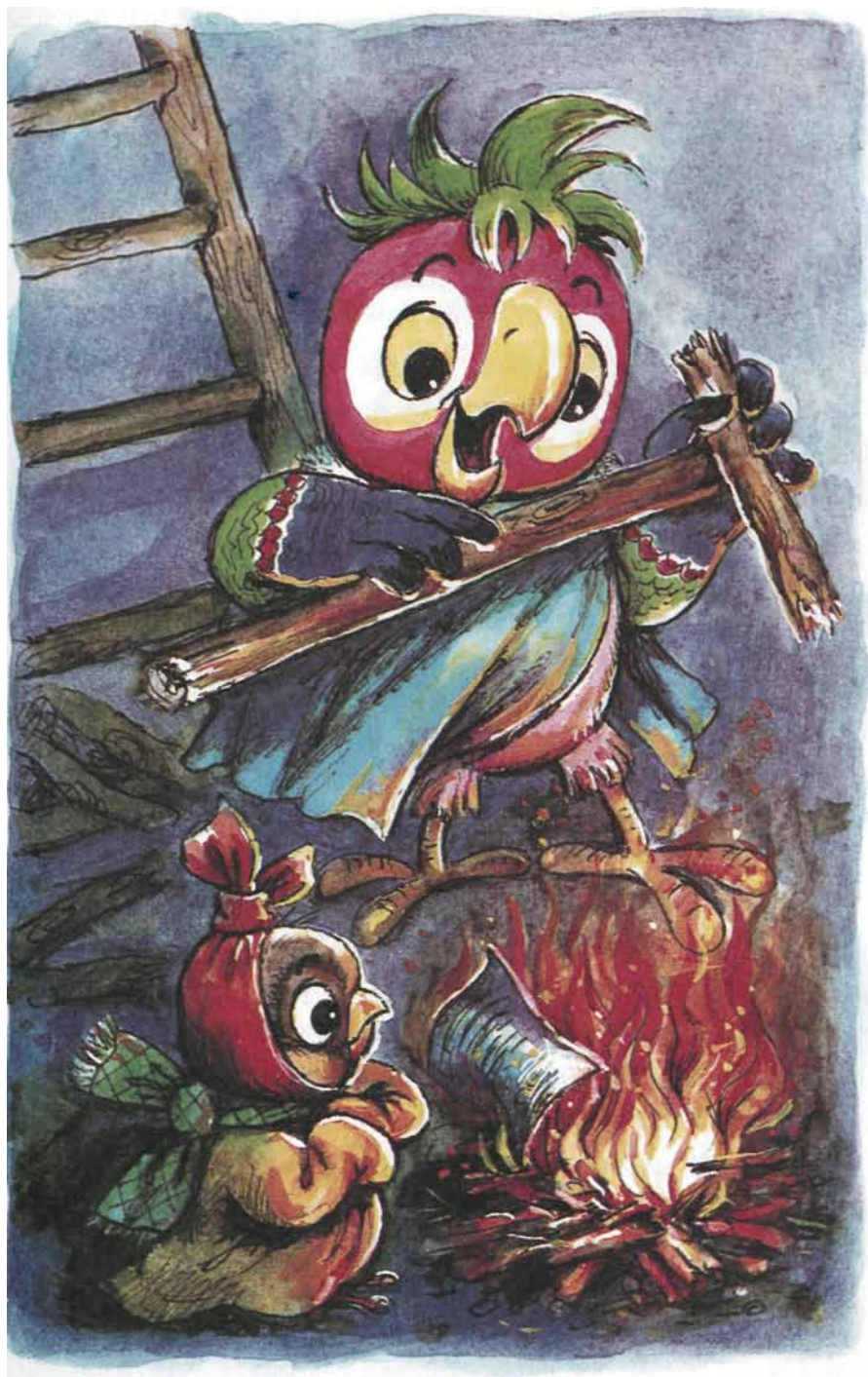
— Здоровья нет,— жаловался он.— Всё других лечу, некогда собой заняться. Ну, ладно. Где ваш симулянт? Почему лежит, а не играет в футбол, волейбол, баскетбол?

— Он даже в шахматы не играет,— пожаловался Кеша.— Говорит «нету сил».

— А вот мы сейчас проверим! — сказал доктор.— Нет силы, или он прикидывается.

Профессор достал всякие трубочки, ложечки, прибор для измерения давления. Долго выстукивал и выслушивал Колю. Стучал по его лапкам. Лапки сами собой подскакивали. Потом он сложил всё в чемоданчик и вздохнул:

— Что я могу сказать? Положение не из лёгких. Простуда на фоне общего ослабления организма. И нервное истощение. Хорошо бы переменить обстановку. Поехать на юг, к солнышку. Прогреть лёгкие, горло. Подышать йодистым морским воздухом... Что я могу ещё сказать? Ничего!

Кеша попытался вручить профессору за визит конверт с деньгами, но тот наотрез отказался:

— Вот поправитесь, разбогатеете, найдёте, как мой сын, клад, тогда и расплатитесь.

И он кряхтя и охая стал спускаться по лестнице.

«Конечно,— думал Кеша,— хорошо бы отвезти Колю в Африку. На фрукты и витамины. На жаркое солнышко. Но как?»

Коля продолжал кашлять. А тут новая неприятность. Ночью в подвале прорвалась труба отопления. На чердаке стало холодно, как на улице. Кеша завернул Колю в тряпье, прижал к себе. Но Коля дрожал, кашлял. На него больно было смотреть.

И тогда Кеша решился на отчаянный шаг.

Он собрал обломки стульев, старые газеты, обрывки обоев — всё, что валялось на чердаке, что могло гореть... И разжёт костер.

Сначала огонь особенно не разгорался. Они грелись у костра и радовались своей находчивости. Но вдруг вспыхнула пластмассовая канистра. От неё загорелся старый матрац.

Кеша носился как угорелый. Забрасывал огонь снегом с крыши. Но не тут-то было... Внизу раздались крики. Завыли сирены пожарных машин. В окне их чердака показался пожарный в блестящем шлеме. Ударила струя

воды. По огню, по Кеше, по Коле. Кеша закричал:

— Вы что, не видите? Здесь больной. Выключите воду! Немедленно. Убирайтесь отсюда!

Пожарник с недоумением уставился на них. Затем подцепил длинной палкой с крючком. Сначала завёрнутого в тряпьё Колю. А потом и Кегду. Спрятал их в свою огромную брезентовую куртку. И они все вместе поехали вниз, по пожарной лестнице.

СИЖУ ЗА РЕШЁТКОЙ, В ТЕМНИЦЕ СЫРОЙ...

Сам начальник 117-го отделения милиции подполковник Ружьёв учинил Кеше и Коле строгий допрос:

«Зачем они подожгли чердак?»

«С какой целью?»

«Кто главарь банды?»

«Где соучастники?»

— Не было у нас никого,— оправдывался Кеша.— Ни главаря, ни соучастников. Только я и Коля. А чердак подожгли с целью обогрева. Труба лопнула. А Коля болен. Холод ему противопоказан. Ему тепло нужно. Понимаете?

— Нет, не понимаю. Если каждый, у кого лопнет труба, будет чердак поджигать? Что получится? «Москва, спалённая пожаром»?

— Не получится «Москва, спалённая пожаром»,— сказал Кеша.— У каждого есть тёплые одеяла, электрические обогреватели. Папа и мама наконец. А у Коли никого нет. Кроме меня.

— Неправильно вы рассуждаете, гражданин Кеша,— сказал подполковник Ружьёв.— Я сам

детдомовский. А друзей у меня больше, чем у папенькиных и маменькиных сыночков. Взвод наберётся. Может, и рота. А может, и целый полк.

— Вам хорошо,— сказал Кеша.— Вы — человек. А у нас все друзья разлетелись. Кто на юг, кто по домам.

— А кто и на чучело, — грустно сказал Коля и закашлялся.

— Понимаю,— сказал подполковник Ружьёв. Он встал со стула и прошёлся по комнате.

— Но духом падать нельзя. У нас люди хорошие, добрые... И откуда только преступники берутся?

Коля снова закашлялся.

— В больницу бы его, — посоветовал подполковник.

— Не хочу в больницу! Не хочу! На солнышко хочу. В Африку.

— Куда, куда?

— В Африку, — подтвердил Кеша. — Нам врач посоветовал. Там Коля мигом поправится.

— Ну, вы, ребята, даёте!

Подполковник Ружьёв подошёл к огромной карте мира, которая занимала полстены в его кабинете:

— Знаете, где Африка? Вот она. Через полмира надо лететь.

— Ничего, — сказал Кеша. — Я однажды уже летел. И как видите, жив.

— Повезло, — сказал подполковник. — Один раз повезло, другого раза не будет. А если буря, а если гроза? А если ракету по вам пустят? Вон сколько до Африки государств. И каждое государство небо своё охраняет. Нет. Я думаю, не в Африку вам надо, а в «живой уголок». В школу. Там тоже тепло, и ещё питание.

Подполковник снова прошёлся по комнате.

— Ладно. До утра здесь побудете. А утром разберёмся.

Он подошёл к окну и попробовал на крепость решётки:

— Красота! Из специальной стали. И двери не хуже. С сейфовыми замками. Так что, ребятки, до утра.

Он выдвинул ящик письменного стола, достал пистолет, бутерброды, термос. Пистолет спрятал в сейф, бутерброды положил на тарелку, а термос поставил на стол:

— Питайтесь. А спать разрешаю на моём диване.

И дверь за подполковником Ружьёвым хлопнулась. И повернулся несколько раз ключ. В замочной скважине, с другой стороны.

Кеша бросился на диван:

— В «живой уголок»! Ха-ха! Ой, не могу. Ещё бы в клуб «Белый попугай».

— Или на птичий рынок, — сказал Коля.

— Нас... Вольных и свободных, как птицы. В «живой уголок»... Выставлять как пособие.

— Лучше уж на чердаке, — сказал Коля. —
Лучше уж замёрзнуть...

— Стоп! — прервал его Кеша. — Что за пани-
ческие настроения? Что за неверие в собственные
могучие силы?

— А могучие решётки из специальной стали?

— Могучие решётки? — Кеша захохотал. —
Я чуть не лопнул от смеха. Они же для кого?
Они же для людей!

Кеша подскочил к окну:

— Смотри!

Он открыл форточку и просунул в неё голову:

— Да здравствует свобода!

Но это он не крикнул, а сказал шёпотом.
Чтоб только Коля услышал. И не в окно, а в
сторону Коли.

Коля обрадовался:

— Летим?

Но Кеша остановил его:

— Погоди. Перелёт дальний, начальник прав.
Надо подготовиться. Изучить маршрут. Утеп-
литься. Выспаться. Тогда и полетим.

Глава одиннадцатая

ПТИЦЫ СЧАСТЬЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Однако жизнь распорядилась иначе.

Только подполковник вышел из дверей вверенного ему отделения, к нему подошёл симпатичный молодой человек крепкого телосложения.

Подполковник не испугался, только пожалел, что оставил пистолет в сейфе. От молодого человека это не ускользнуло.

— Пожарник Кирилл, — представился он. — Старшина, вольнонаёмный. Взысканий и детей не имею.

— Отлично, — почти успокоился подполковник. — Хотя детей иметь вам бы не помешало. Я сам детдомовский... А в чём, собственно говоря, дело?

Пока Кирилл упрощает подполковника отдать ему «на поруки» Кешу и Колю, расскажем немного о самом Кирилле.

Пожарный отряд, где служил Кирилл, был лучшим в городе, он прибывал на пожар задолго до его начала. Если кто-то играет со спичками

или включает неисправные электронагревательные приборы, он тут же выезжает. И в этом лучшем в городе пожарном отряде лучшим пожарником был Кирилл. За пять лет службы он спас трёх старушек, одного доберман-пинчера, семь котят и восемь золотых рыбок, вместе с аквариумом. Кешу и Колю он тоже спас. Не только от огня, но и от уголовной ответственности.

Дома Кирилл строго отчитал нарушителей:

— Разве можно разжигать на чердаке костёр? Это всё равно что в комнате.

У Кирилла была чистенькая однокомнатная квартирка. Кеше и Коле он отдал свою комнату, а сам устроился на кухне. На раскладушке.

— Живите пока, погорельцы. Зима пройдёт, дальше подумаем.

Но долго жить погорельцам у Кирилла не пришлось. Нинка не дала, его подружка. Ох уж эта Нинка! Ну и Нинка. При Кирилле она была одна, а без него — другая. Два разных человека. Когда дома был Кирилл, она была ласковая, добрая, заботливая. Кешу и Колю кормила, по головке гладила: «Ах, вы мои птенчики, ах, вы мои любимые...» Но стоило Кириллу выехать на пожар, она выгоняла Кешу и Колю из комнаты, плюхалась на кровать и кричала вслед:

— Развели тут птичник! Отдохнуть негде. Птицы счастья завтрашнего дня!

Ещё Нинка могла часами разговаривать по

телефону. Без Кирилла, конечно. У неё было много приятелей и подружек.

Спать она могла целыми сутками. И только перед приходом Кирилла вскакивала, поспешно приводила себя в порядок.

— Кирюша, дорогой. Я так устала. Целый день бегала по объявлениям. И секретарши не нужны, и машинистки, теперь везде компьютеры... Нет! Я больше так не могу. Наймусь в палатку, продавщицей. Или грузчиком. Не могу больше так!

Кирилл её успокаивал:

— Ну, что ты, что ты, Нинуся! Или я мало зарабатываю? Найдёшь себе работу по специальности. Успокойся.

Посуду в доме тоже мыл Кирилл. Готовил почти всегда он. Бельё в прачечную носил он, за продуктами ходил он.

Кеша и Коля просто выходили из себя.

— И что он в ней нашёл? — возмущённо спрашивал Кеша.— Неряха, лентяйка.

— Врунья,— добавлял Коля.

— «Ах, я устала, Кирюша... Ах, моя птичка-Кирю... Ах, мой зайчик... Ах, моя рыбка...» Тьфу! Зоопарк, а не дом. А он и уши развесил.

— Может, он её любит? — спрашивал Коля.

— За что! — кричал Кеша.— За что такую любить? За невымытую посуду? Будь я на его месте, я бы так сказал: «Знаешь, дорогая... летка ты на все четыре стороны света. Хочешь

в продавщицы, хочешь в грузчики... А хочешь — от меня подальше!

— Три,— сказал Коля.

— Что «три»?

— Вы три стороны света назвали. А четвёртая? Какая?

— Четвёртая? — Кеша задумался.— Четвёртая такая же, как и третья. Только ещё дальше.

Однажды они решили Нинке отомстить за грубое к себе отношение. Ночью, когда Кирилл был на дежурстве, Кеша вошёл в комнату, где она дрыхла, и голосом Кирилла сказал:

— Нинуся, вставай. Твой зайчик пришёл, рыбка ты моя.

Нинка вскочила и заверещала:

— Ёжик ты мой... Я только прилегла, котик... Ах, мой пёсик!

— Кисюня моя,— сказал Кеша.— Заюня.

— Ласточка, черепашечка! — сказала Нинка и зажгла свет.

Кеша и Коля чуть не лопнули от смеха.

Этим же утром Нинка заявила Кириллу:

— Кирюшечка, кисочка моя. Выбирай, зайка. Или эти птички, или я, рыбка. А в этом птичнике, киска, жить отказываюсь, суслик ты мой.

И ушла из дома «искать работу грузчика». Кирилл долго думал, мрачно ходил по комнате, пил чай, выходил, несмотря на холод, на балкон. Затем посадил перед собой Кешу и Колю, встал перед ними на колени и сказал.

— Не могу я без Нинки, понимаете? Всё знаю. И какая она, и как к вам относится. Но не могу. И без вас не могу. И решения поэтому не могу принять. Не могу принять решения. Простите меня за это. Простите, братцы, не знаю, что делать.

Он встал с колен:

— Поеду на работу, хоть и выходной у меня. Может, повезёт, будет пожар. Там я успокоюсь. Может, и приму на пожаре решение. В огне лучше думается.

И ушёл.

— Всё! — сказал Кеша.— С меня хватит. Не хочу больше жить среди лжи и вранья. Не хочу и не буду. Завтра же вылетаем.

— Куда? — спросил Коля.

— В Африку. Врач сказал, тебе надо климат менять, вот и полетим на солнышко.

— Африка далеко?

Кеша достал давно припасённую карту:

— Не очень. Сначала на Киев полетим. На юго-запад.

Он провёл по карте черту.

— В Киеве переночуем и двинем на Одессу. От Одессы — вдоль черноморского побережья... Поймаем попутный ветер, он нас до Турции донесёт.

— А если не поймаем? — спросил Коля.

— Поймаем,— сказал Кеша.— Над морем всегда ветры дуют. Только нужный найти.

— И сильно дуют? У меня кашель,— сказал Коля.

— В самый раз,— успокоил его Кеша.— Не так, чтоб очень, и не очень, чтобы так. Они тёплые, морские. Полезные для здоровья. Не то, что здесь. Летишь себе, ничего не делаешь, только дышишь морским воздухом. Как на курорте.

— Так бы всю дорогу лететь,— обрадовался Коля.— Вот бы и до Киева так.

— До Киева нет моря,— сказал Кеша и ткнул в карту.— Вот! Зелёное и жёлтое — это земля. Видишь? А вот — синее. Это море. Вот оно: Чёрное море.

— Синее вижу,— сказал Коля,— а чёрное — нет.

— Чёрное — это название. А на карте оно синего цвета.

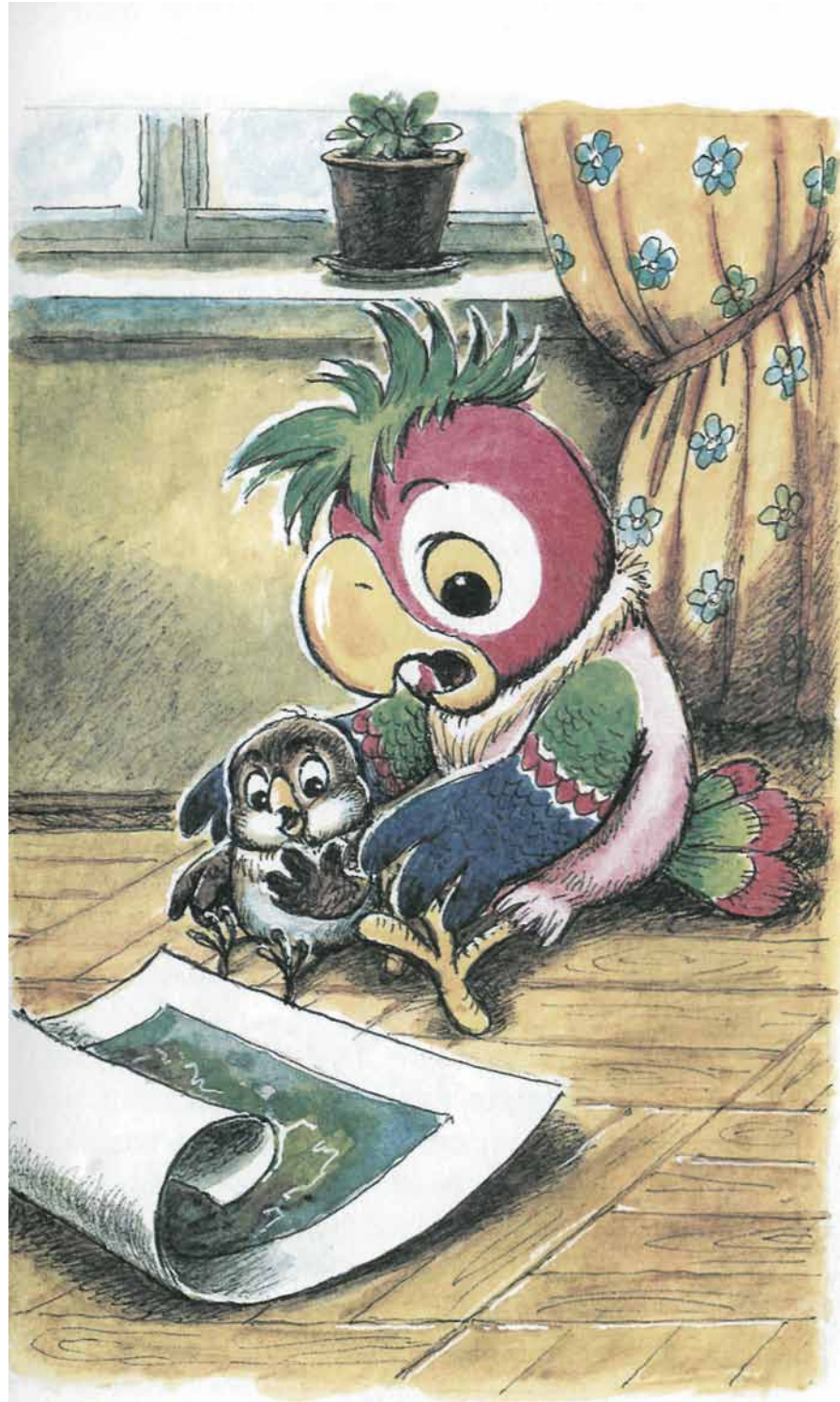
— Если оно синего цвета, так должно и называться. Синее море. А не Чёрное.

— Знаешь что, милый друг,— сказал Кеша.— Так мы далеко не улетим. Мы ещё с места не тронулись, а ты меня своими вопросами замутил. Вот долетим до Африки, тогда спрашивай, что хочешь.

Кеша сложил карту:

— Вылет назначаю на завтра. На семь часов двадцать минут.

Двадцать минут Кеша добавил в последний момент. Для солидности. Чтоб Коля понимал: у него всё просчитано. Каждые двадцать минут!

Глава двенадцатая

ПЕРВАЯ ПОСАДКА

На следующий день, ровно в 7 часов 20 минут утра, Кеша и Коля вылетели из окна и взяли курс на Африку.

У Кирилла было ночное дежурство, поэтому они ему оставили записку:

«Дорогой и любимый наш пожарник Кирилл. Мы очень тебе благодарны за отеческую заботу о нас. У тебя дома мы были как дома. Большое тебе за всё хорошее спасибо. В нашем отлёте просим никого не винить.

Кеша и Коля. Твои друзья до гробовой доски».

Записку сочинил Кеша. Но Коля тоже расписался.

Окно они аккуратно прикрыли снаружи, чтобы не выстудило квартиру. Последний раз взглянули сквозь стекло и поднялись в воздух.

Было ещё темно. Машины внизу ехали с зажжёнными фарами. Горели фонари, мигали светофоры. Редкие прохожие прятали лица в воротники. Хоть и не очень холодно, но дул резкий февральский ветер.

Коля летел в шерстяном свитере, сделанном из обычной детской перчатки. Пальцы у перчатки были отрезаны. Из дырки от среднего пальца выглядывала Колина голова. Вместо большого пальца и мизинца — махали крылья. А хвост был никак не утеплён. Он управлял полётом.

Кеша тоже утеплился. Он был в подаренном ему Кириллом брезентовом чехле от инструментов. В бесчисленных карманчиках помещались компас, бутерброды, деньги, туристский ножик и другие походные вещи.

Летели они на юго-запад в сторону Лужников. Оттуда — до кольцевой дороги. Там надо было найти развилку на Киевское шоссе. И строго над шоссе — на Киев. Чтобы не прилететь в Тамбов или Новосибирск.

Киевское шоссе потому и Киевское, что ведёт только на Киев.

Показались Лужники. Они пролетели над огромной, словно жерло вулкана, чашей стадиона. Кое-где вспыхивали искры электросварки. Такая рань, но уже велись работы, монтировалась гигантская крыша.

Пролетели над чёрным, не замёрзшим в эту зиму, руслом Москвы-реки, чуть правее метро-моста. И стали забирать вверх, преодолевая Воробьёвы горы.

Вдруг Коля закашлялся и остановился в воздухе, отчаянно махая крыльями.

— Что с тобой? — подлетел к нему Кеша.

— Не могу,— сказал Коля.— Задыхаюсь. Воздуха не хватает. Видно, судьба моя — умереть на родине. На Воробьёвых горах.

Кеша возмутился:

— И не стыдно? После первых трудностей. Первые суровых испытаний. Возьми себя в руки! То есть в крылья... Собери все свои силы. Сожми клюв. Вперёд! К новым победам. В Африку. Она не за горами.

Но, взглянув на Колю, понял: «Коля прав. Не долететь ему до Африки. Ему и до Киева не долететь».

— Хорошо,— сказал Кеша вслух.— Сделаем привал. Отдохнём, перекусим. Там будет видно...

Они опустились на самую верхнюю точку лыжного трамплина. На будочку судьи. Покрытую корочкой льда, с обвисшими вниз сосульками.

— Да-а,— сказал Кеша.— Далеко же мы улетели. Коля продолжал кашлять.

— И что за народ, эти воробьи,— рассуждал Кеша.— С виду маленькие, крепенькие. Ничего им не страшно. Ни зима, ни холод. Прыгают себе, чирикают. А вот грянет испытание. Настоящее. Сразу в кусты. Кашель у них, насморк. Упадок сил.

— Не надо так про воробьев,— сказал Коля.— Не надо. Если я такой, то они при чём? Воробьи самые терпеливые. Им много не надо. Корочка хлеба и всё. И уже довольны. И счастливы, и чирикают. Не завидуют никому. Они самые добрые, воробьи.

— Видел я, какие они добрые,— проворчал Кеша.— Из-за этой корочки хлеба готовы удаться. Друг друга отпихивают. Бьют клювом. Хорошо, не насмерть.

— И среди воробьев есть разные,— сказал Коля.— Есть и плохие. А среди попугаев нет?

— Нет! — сказал Кеша.— Попугаи все хорошие: у нас в Африке еды навалом!

— И никогда не дерутся?

— Бывает,— соврал Кеша.— Когда я ему бананы принёс, а он не хочет. Вот тогда и до драки доходит.

Коля не стал спорить. Он снова закашлялся. Кеша вынул термос с горячим чаем:

— Хлебни, воробей!

— Спасибо, попугай.

Коля хлебнул. Ему стало легче.

— Знаешь, друг,— сказал Кеша.— Не обязательно нам в Африку своим ходом лететь.

— А как? — спросил Коля.

— Очень просто. Повсюду ракеты, кибернетика. А мы с тобой крылышками машем.

— Не пойму я вас,— сказал Коля.

— Поэтому и не понимаешь, что воробей. А я предлагаю — на самолёте. Понял? Лететь не снаружи, а внутри. В тепле и комфорте. И скорость другая, и музыка, и питание.

— А билеты?

Кеша похлопал по карману, где были деньги:

— «Мани-мани-манэ...» Когда есть монеты, будут и билеты!

Глава тринадцатая

РЕЙС «МОСКВА - АФРИКА»

Аэропорт «Шереметьево» жил своей обычной жизнью. Улетали и прилетали самолёты. Вспыхивали зелёные огоньки на табло. Как собачки на поводке, катились чемоданы. Разноязыкая речь, смех, объятия, поцелуи. Есть от чего растеряться. Но Кеша сразу же направился к окошку «Справки».

— Здравствуйте. Надо в Африку. Срочно. Бабушка при смерти. Два билета. Я и сопровождающий.

Девушка, в синем форменном костюмчике, с удивлением взглянула на Кешу:

— Вы, по-моему, попугай?

— Какое это имеет значение? Попугай я или слон. Здесь я прежде всего пассажир.

— Извините,— вежливо сказала девушка.— Если вы попугай, вам нужна справка. От ветеринара. Что вам сделали прививки. И ещё. Как попугай, вы не можете лететь один. Без сопровождающего.

— Есть у меня сопровождающий. Я говорил.

— А он кто? Тоже попугай?

СПРАВКИ

— Нет. Он воробей.

Девушка только развела руками.

Кеша понял. Спорить с ней бесполезно. «Как глупо и несправедливо устроен мир. Всё для людей. Всё для человека. Всё на благо человеку»,— подумал он.

И тут он увидел дядю Борю, а дядя Боря увидел его. Они бросились навстречу друг другу.

— Кеша! Куда ж ты пропал? Вовка, твой дружок, совсем извёлся. Не спит, не ест. Объявления везде дал. «Пропал Кеша, друг. Особые приметы — попугай».

Кеше стало жаль Вовку.

— Я вернусь, дядя Боря. Передай Вовке. Обязательно вернусь. Я его простил. Но мне надо в Африку. Срочно. Друга спасти.

— У тебя там друг?

— Здесь.

И Кеша кивнул на Колю, который пристроился под лавочкой.

— Солнце ему нужно, тепло. Понимаешь, дядя Боря. А то он загноётся.

— Да-а,— только и сказал дядя Боря.— Жаль, я в Африку не лечу. А то бы прихватил. Обязательно прихватил бы. Но я в Лондон лечу. Понимаешь? В Лондон. Там погода похуже нашей. Дожди, туман. Нельзя Коле в Лондон. Никак нельзя.

Дядя Боря задумался. На его лице прорезались морщины. Оно стало мужественным и волевым. Как в фильмах про пилотов. Которые

совершают вынужденные посадки или обезвреживают террористов.

— Пассажирами вам не улететь. Может, в качестве груза? Бегите на грузовой склад. Найдёте там начальника, Василия Ивановича. Скажите: дядя Боря просил. Очень. Если, конечно, возможно. Оформить вас в качестве груза.

Дядя Боря достал из кармана бумажник и протянул деньги:

— Вот. Чтоб всё по закону. Это — за груз. И чтоб квитанция была.

Он достал ещё бумажку, помельче:

— А это — на питание. До Африки долго лететь.

— Не надо на питание! — гордо сказал Кеша.— На питание у нас есть. Не маленькие.— И он похлопал себя по карману.

— Отлично! — похвалил его дядя Боря.— Значит, всё понял? Скажешь, дядя Боря просил. Очень.

Но Василия Ивановича на складе не оказалось. Он работал в другую смену. А Николай Семёнович, его сменщик, оформить Кешу и Колю в качестве груза наотрез отказался.

— Что придумали! Они и отправитель, они и груз. А кому мне квитанцию выписывать?

— Нам,— сказал Кеша.

— Вам? Но вы же — груз. А кто отправители?

— Мы. Мы отправители.

— Если вы отправители, то где ваш груз?

— Вот,— сказал Кеша.— Перед вами стоит.

— Нет, милые мои,— сказал Николай

Семёнович.— Такого не бывает. Если ты отправитель, то ты — не груз. А если ты груз, то отправителем уж никак быть не можешь.

Склад был заставлен ящиками, железными контейнерами, бочками, коробками. По складу раскатывала тележка, впереди у неё, как у слона, были огромные бивни. Бивни опускались и поднимались. Перемещали вверх и вниз огромные тяжести. И вдруг с «бивней» посыпались ящики. Николай Семёнович с криком бросился туда.

Кеша схватил Колю, и они спрятались за контейнером.

Там они просидели до позднего вечера. Когда Коля начинал кашлять, Кеша зажимал ему рот и сверху накидывал ещё брезентовый жилет.

Наконец, склад опустел. Задвинулись тяжёлые ворота. Горело только несколько лампочек в металлических сетках. Кеша осторожно выбрался из укрытия и стал осматривать грузы.

«Лиссабон»... «Мон-Реаль»... «Сеул»... «Бомбей»...

И вдруг он увидел надписи на коробках: «Гвинея». На каждой коробке он прочитал: «Гвинея». Гвинея — это же Африка!

Внутри оказались бананы. Кеша и Коля вынули часть бананов и залезли в одну из коробок. В банановом аромате они скоро заснули. И сквозь сон почувствовали толчки, слышали крики грузчиков, поняли, что их куда-то везут, грузят в самолёт...

— Спи,— сказал Кеша.— Когда будет Африка, я тебя разбужу.

Глава четырнадцатая

ВОТ ТЕБЕ И АФРИКА!

Ни Кеша, ни Коля не знали, что груз бананов и других продуктов предназначался вовсе не в Африку, а совсем в другую часть света. В Арктику. На дрейфующую полярную станцию «Северный полюс-77». Почти на самую макушку земли. А надпись «Гвинея» на коробках означала не пункт назначения, а страну, из которой прибыли бананы в Москву.

Не знали и не могли знать Кеша и Коля, что обычно такой груз завозится ледоколами. А если уж и ледоколы не могут пробиться сквозь толстенные льды, то вертолётами. Вертолёты поднимаются с палубы ледоколов и переносят на льдину тяжёлые грузы.

И совсем не знали Кеша и Коля, что от льдины полярников несколько дней назад откололся кусок величиной с хоккейную площадку. Но вместо хоккеистов на этой площадке находился продуктовый склад. И этот склад уплыл в неизвестном направлении. А у полярников остался только мешок картошки и несколько луковиц.

В специально созданном штабе решили: немедленно забросить продукты самолётом! Мешка картошки полярникам надолго не хватит. А ледокола они вряд ли дождутся.

И вот летит на север грузовой самолёт. Вместо пассажиров — ящики с продовольствием. Вместо ковровой дорожки на полу — ролики. Чтобы удобней было скатывать ящики в хвост самолёта, когда там откроется специальный люк и полетят на парашютах консервы, колбасы, крупы, фрукты, упакованные в коробки и ящики. И приземлятся они точно на льдину. И спасут полярников от голодной смерти.

А Коля и Кеша, ничего не подозревая, лежали среди бананов и мечтали о жаркой и прекрасной Африке.

— Соскучился я по родине,— говорил Кеша.— По друзьям детства. По родителям. По природе и животному миру. Ты в Африке мигом поправишься. Виноград там — во! Как яблоки. А яблоки — как дыни!

— А дыни? — спросил Коля.

— А дыни не поднимешь. Подъёмный кран нужен. И грузовик.

— Я дыни очень люблю,— сказал Коля.— Там семечки вкусные.

— Вот чудак,— сказал Кеша.— Зачем тебе семечки? Тебе витамины нужны, фрукты. А там они всегда свежие. Не то что эти бананы. Два часа летим, а они уже портятся. Мягкие, расплзаются.

— Это потому, что мы на них лежим,— сказал Коля.

— Нет, не потому. Если б мы в Африке были, сколько на бананах ни лежи, только крепче становятся.

— Да-а,— мечтательно сказал Коля.— Хорошо в Африке. А хлеб там есть? Такой чёрствый, засохший. Чтоб корочка была твёрдая. И лучше чтоб чёрный. Он дольше сохраняется.

Кеша отвернулся от Коли. Бананы под ним жалобно всхлипнули. Из коробки вытекла струйка бананового сока.

— Всё! Больше не разговариваем. Я ему про Африку, а он мне про свою серую, прошедшую в нищете жизнь.

Дальнейшую часть пути они провели молча. Кеша был обижен на Колю: «Я для него жизни не жалею, а он...» А Коля был обижен на Кенгу: «Строит из себя. Подумаешь, сокровище африканское...»

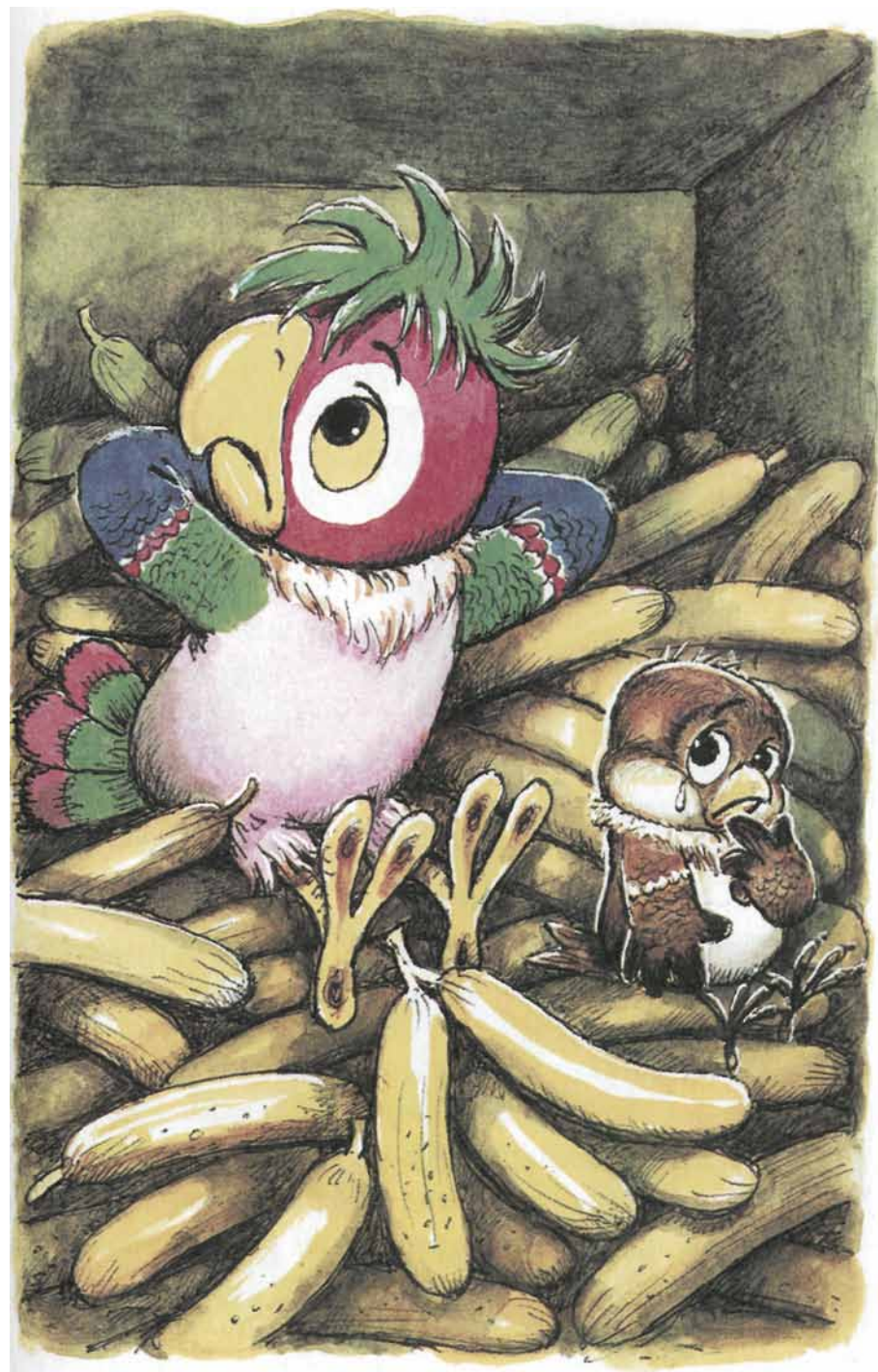
Но вот напряжённое гудение моторов стало тише. Кеша и Коля почувствовали, что у них закладывает уши.

— На посадку пошли,— сказал Кеша — он однажды летал самолётом.— Здравствуй, Африка.

Они услышали голоса:

«Подлетаем... Хлопцы, не промахнитесь... Парашюты проверили?.. Приготовились... Сбрасывай!!»

Дохнуло холодом — это открылся в хвостовой части самолёта люк. Ящики куда-то покатались...

И вдруг Кеша и Коля почувствовали, что падают. Внутри всё оборвалось...

Резкий толчок — это открылся парашют. Бананы под ними превратились в липкую лужу. Жуткий пронизывающий холод. Казалось, это длилось вечность. И снова толчок. Приземлились. Кеша и Коля захлёбывались банановой кашей. Но было так холодно, что сок начал замерзать и они стали покрываться ледяной корочкой.

— В-вот-т т-так Африка,— стуча зубами, сказал Коля.— Похуже, чем в холодильнике.

— Н-нав-верно, кондиционер в-включили,— сказал Кеша.— Чт-тоб жарко н-не было...

И снова они слышали голоса.

«...Тушёнка три ящика... Масло... Крупа ящик... А здесь фрукты... Смотри-ка, бананы! Прямо из Гвинеи... Егор, ты целые грузи... А эту коробку оставь. Она и так потекла. С ней ничего не случится... Потом подберём».

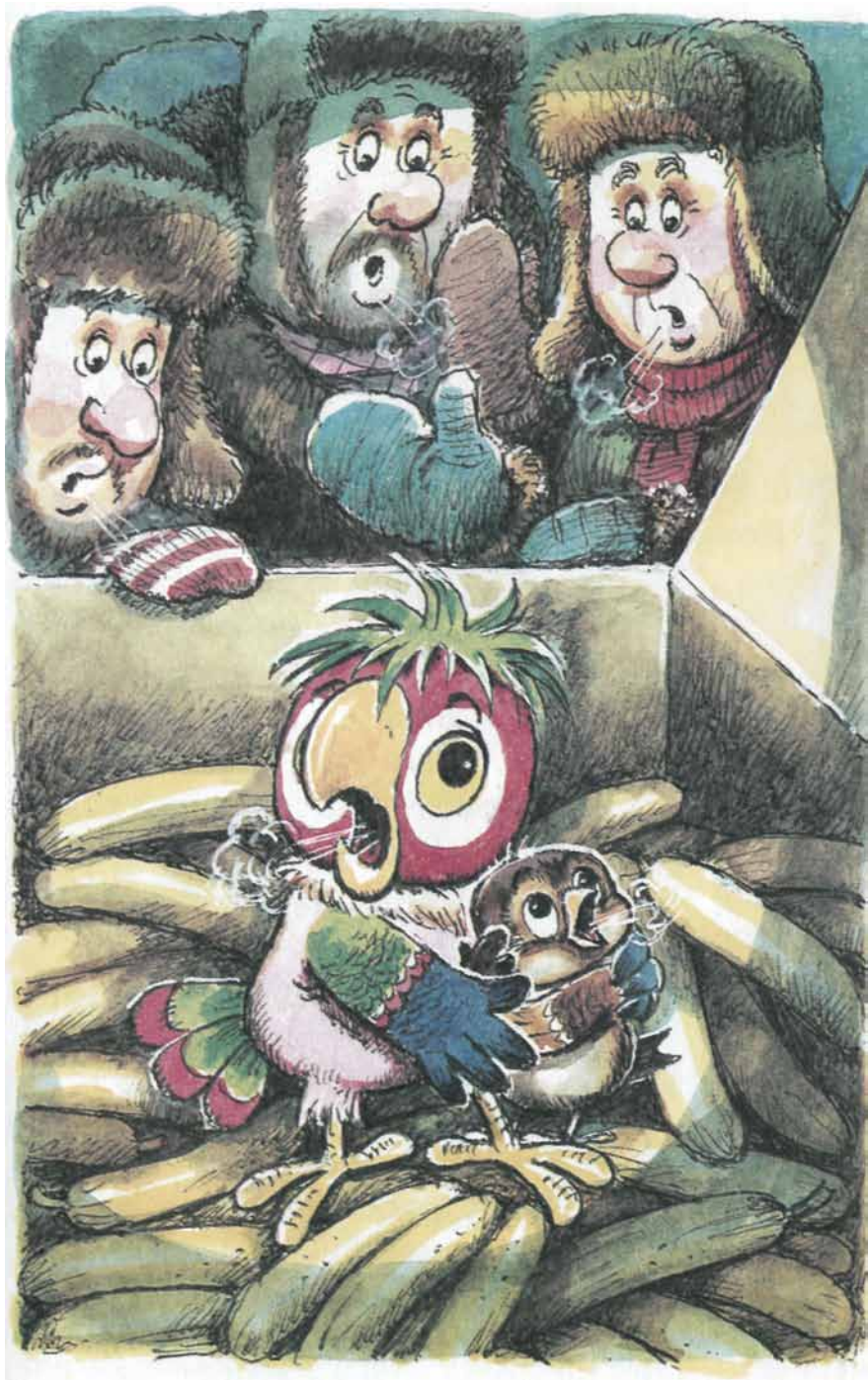
— Случится! Случится!! — закричали Кеша и Коля, понимая, что замерзают.

Полярники, не веря своим ушам, открыли коробку.

И их изумлённым глазам предстали: попугай Кеша и воробей Коля. Покрытые белым банановым инеем. А взглядам Кеши и Коли предстала чёрная полярная ночь, снег, несколько людей в меховых шубах, меховых сапогах, меховых шапках.

— Вот так Африка,— только и промолвил Кеша.

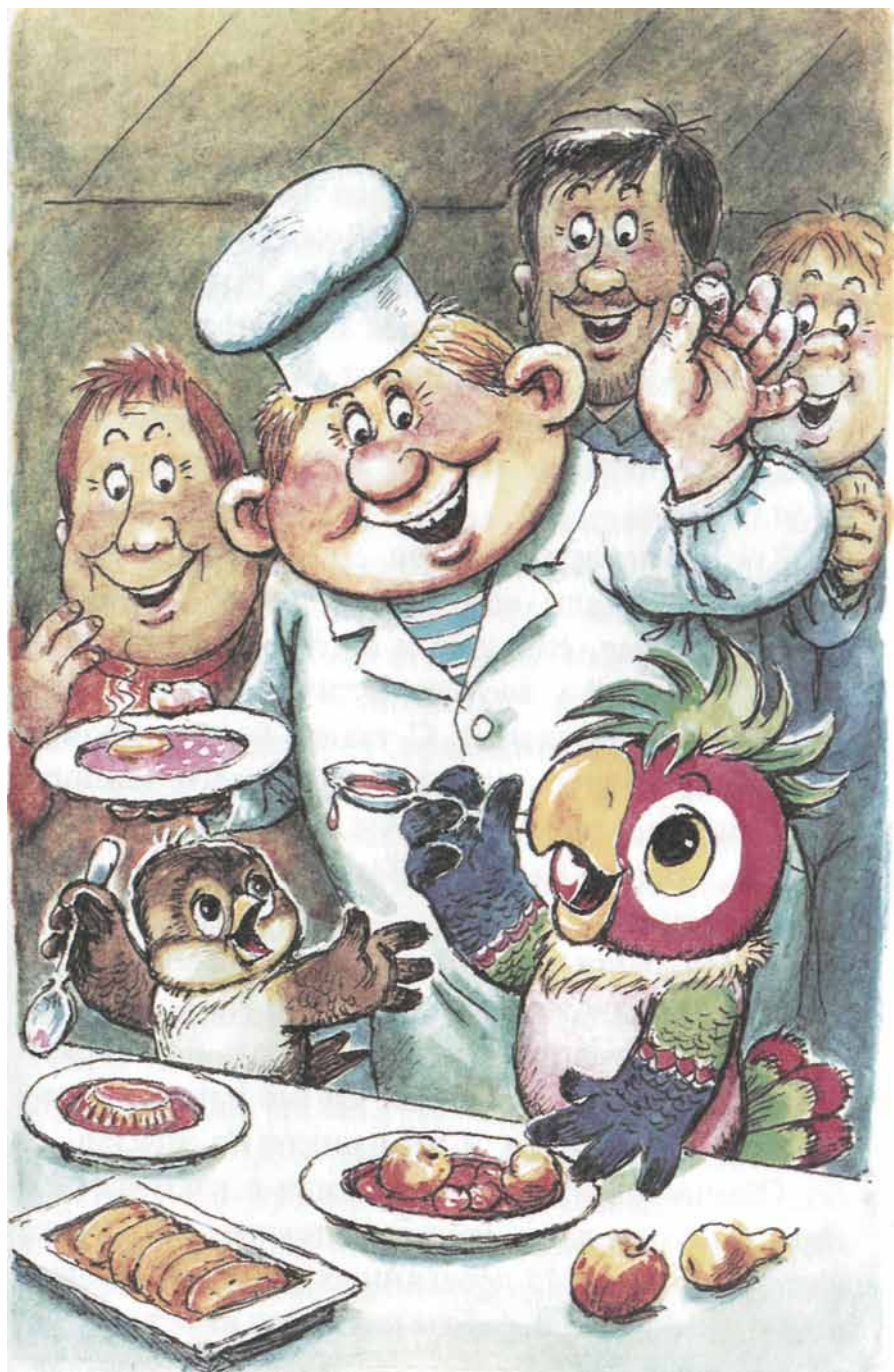
Глава пятнадцатая

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ДЛЯ ПОДВИГА

Кеша и Коля сразу стали всеобщими любимцами.

Повар Дима готовил для них специальные блюда. Для Кеша — фруктовые запеканки. Для Коли — ореховые муссы. Дима был большим мастером своего дела. Когда продуктовый склад откололся от льдины и уплыл в неизвестном направлении, Дима не растерялся. Он умудрялся из картошки и лука готовить самые разнообразные блюда. «Картофельные оладьи с луковой подливкой», «зразы картофельные, фаршированные луком», «картофельная запеканка, соус а ля лук»! И пусть это был один лишь картофель. Но какие названия? Пальчики оближешь!

Повар Дима был ещё и врач. Полярники шутили: «У нас и повар и врач — один человек. После обеда недалеко бежать за медицинской помощью». Но это они шутили. Достаточно было попробовать его знаменитый борщ «Северное сияние». На свекольном борще плавала

пленка из топленого молока и яичного желтка. Чуть прикоснёшься ложкой, жёлтое, белое и красное перемешивалось. И вспыхивало, как северное сияние!

Дима, уже как врач, взялся за Колю. Он лечил его тюленьим жиром. Ложку натошак — внутрь. И жировые компрессы на ночь. На лёгкие и бронхи. И Коля пошёл на поправку. Пропал кашель, появился аппетит. Каждый день он прибавлял в весе. Девяносто граммов... девяносто пять... девяносто семь... Уже и сто граммов были не за горами.

Кроме повара и врача Димы, на станции жили и работали ещё четырнадцать человек. Мужественные, сильные и весёлые люди.

— Хороший у вас коллектив! — часто говорил Кеша.— Дружный. С таким коллективом... Не только вокруг полюса, вокруг всего земного шара можно проплыть. Аж до самой Таити! Кстати... Вы не были на Таити?

Полярники смеялись:

— Не были мы ни на каком Таити. Нас и здесь неплохо кормят.

Кешины концерты имели успех. Все соскучились по живым артистам. За всё время экспедиции, кроме Кеши, к ним никто не залетал.

Обычно концерты проходили в кают-компании. Это отдельно стоящий домик. Такой же, как остальные. Из деревянных панелей. Только в нём не живут, а собираются все вместе.

Это — клуб, столовая и кинотеатр. А название — как на корабле. Потому что льдина — это большой корабль. Но плывёт он, повинувшись течениям, а не командам капитана. И бывает, откалываются от корабля другие кораблики. Например, продуктовый склад. Или домик радиста. Как случилось во время одного из выступлений...

Только Кеша начал свой концертный номер: «Прилетаю я как-то на Таити, а Хрюша мне и говорит...» — как раздался жуткий грохот.

Все бросились к окнам. И видят такую картину. В темноте ночи светятся огоньки. Как обычно. Над домиками, над метеовышкой... И только несколько огоньков, над домиком радиста, на палочках антенны — двигаются. Вроде корабль отходит от пристани. Радист Серёжа хватается за голову:

— Радиостанция!! Моя радиостанция!!

Все накинули шубы и выскочили наружу. Произошла самая настоящая катастрофа. Часть льдины, где находился домик радиста, откололась от основной и медленно уплывала в неизвестном направлении. Так же, как уплыл недавно продуктовый склад.

Тревога!!! Дежурный по лагерю бьёт тяжёлым молотом по пустому газовому баллону.

Тревога!!! Все бегут к образовавшейся трещине. Но с каждой секундой она становится всё больше, а домик всё меньше. Даже чемпион

мира по прыжкам в длину теперь ее не перепрыгнет.

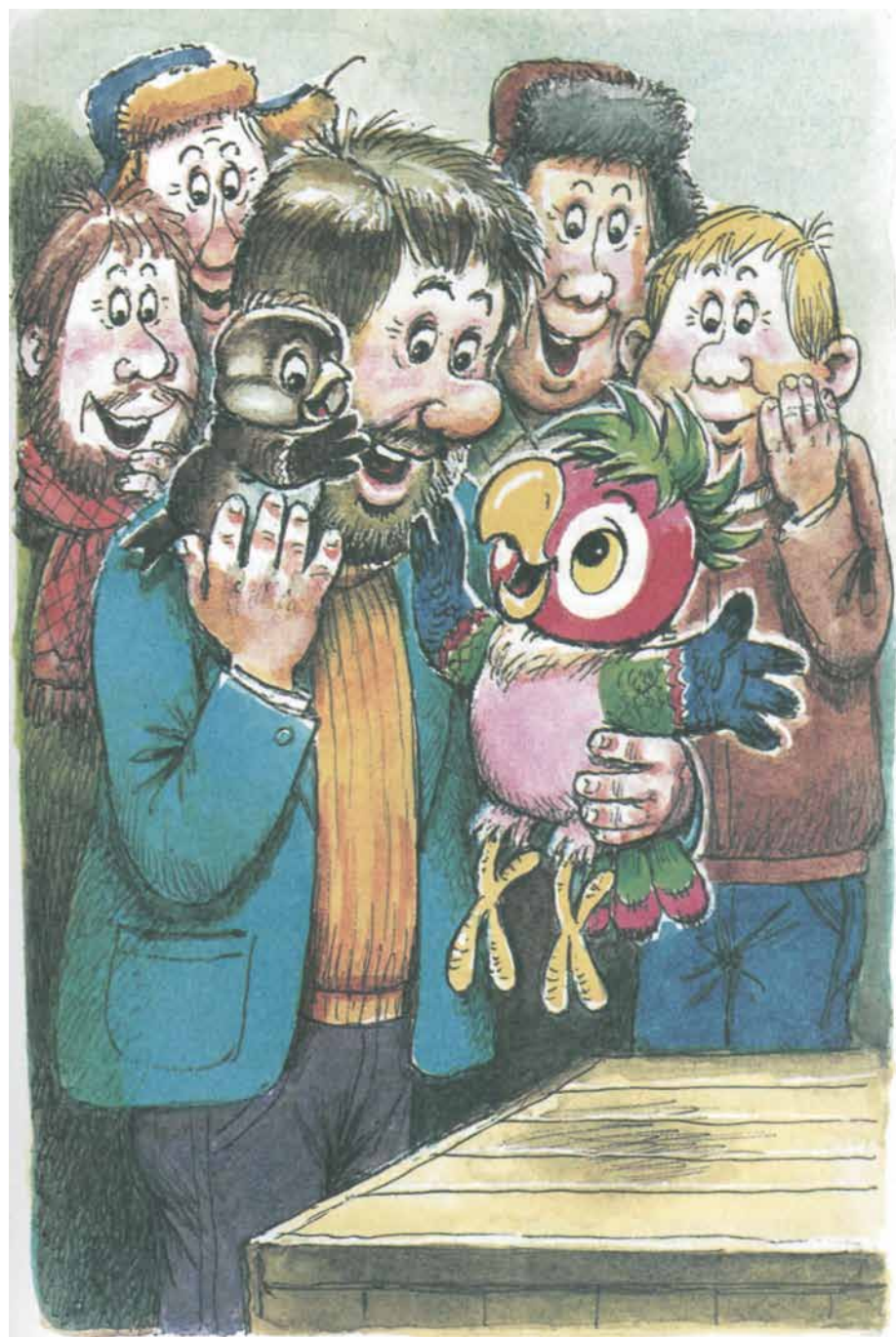
И тогда Кеша понял: настал его звёздный час, его минута. Его мгновенье! Как в «Семнадцати мгновеньях весны». Как поёт Кобзон: «У каждого мгновенья свой резон... кому позор... ну, а кому бессмертие...» Вот оно, его мгновенье! Мгновенье, мгновенье!

— Товарищ начальник станции! — обратился он к начальнику станции, дважды герою, трижды лауреату, доктору наук, профессору и депутату.— Разрешите мне совершить подвиг. Перелететь на отколовшуюся часть льдины и передать по радио важное сообщение!

— И мне! — сказал Коля.— Разрешите.

Начальник станции снял с шеи шарф, обмотал им Кешу. Всего, всего. Как бинтами. Только крылья и хвост выпустил наружу. И голову. А Колю утеплил вязаной шерстяной рукавицей. Но сразу он ничего не ответил. Переминался с ноги на ногу. И дышал тяжело. И борода его стала белой от инея. Словно поседела. Все пятнадцать полярников молчали. И стояла такая тишина, какая, наверно, бывает в космосе. Если бы не скрип снега под сапогами — хрусть-хрусть... хр-ррусть-хрррусть...

— Разрешаю,— наконец сказал начальник.— На вашем месте так поступил бы каждый. Будь у него крылья. Передайте на Большую землю: «За нас не волнуйтесь. Продолжаем нести

трудовую вахту. Все здоровы. Будем живы, не померём!»

— Слушаюсь! — чётко, по-военному, отпортовал Кеша.

— Так точно,— добавил Коля.

Начальник поднял Кешу и Колю:

— Ну, соколы... Летите! Берегите себя... сынки.

Кеша и Коля взлетели. Несколько секунд их видели, потом они растворились в темноте ночи. Там, где светились огоньки радиостанции.

Хрр-ррусть-хрррр-ррусть, хрррр-ррусть... хр-ррусть... — переминались с ноги на ногу полярники. «Как там?! Что там?! И долетели ли?»

Сколько прошло времени — никто не знал. Наконец, раздался крик:

— Летят! Ле-етят!!

Из темноты вынырнули Кеша и Коля. Усталые, обледенелые.

И рухнули у ног полярников.

Их подхватили, внесли в кают-компанию. Растёрли, отогрели. Напоили горячим чаем. И только тогда разрешили говорить.

— Я в-всё сделал,— сказал Кеша.— Включил, вышел на связь! «Большая земля слушает»,— сказали мне... Я им говорю: «У нас льдина треснула... Радиостанция уплыла...» Они не верят... «Хватит шутить. Мы голос радиста знаем...» И тогда делать нечего... Я твоим голосом сказал, Серёжа... Они испугались, всему поверили...

А Коля... Молодец... Ещё и сигнал бедствия отбил... Ключом. Вот так...

— Морзянку? — удивился радист.— Откуда ты знаешь?

— В-в кино видел,— сказал Коля.— Вчера. «Семеро смелых» показывали. Старый фильм.

— Молодцы,— только и сказал начальник и провёл ладонью по глазам, чтоб никто не видел набежавших слёз.— Просто герои... Не испугались, справились... Вернёмся на Большую землю, представлю к награде.

Он прижал к себе Кешу, поцеловал. А Коля сам к нему на плечо прыгнул.

Глава шестнадцатая

ВЕРТОЛЁТЫ ЛЕЯТ НА ПОМОЩЬ

Льдина полярников становилась всё меньше. Кусок за куском откалывался от неё.

И вот осталась совсем небольшая льдинка. На ней сгрудились люди, ценные грузы. От холода спасала одна-единственная брезентовая, с меховой подкладкой, палатка. Посредине горела и днём и ночью газовая горелка. Но всё равно стенки палатки позаросли льдом.

Кеша и Коля каждый день летали на радиостанцию и сообщали новые координаты льдины. Летать становилось всё труднее. Домик радиста уплывал всё дальше и дальше. Последний такой полёт занял около часа. И это сквозь метель, при температуре воздуха «за бортом» минус 31 градус, в кромешной тьме. Ни солнца, ни звёзд, ни уличных фонарей.

Полярники, как могли, утепляли связных. Сшили им меховые ватнички, давали в дорогу термос с горячим чаем. Чтобы они не сбились с пути, пускали в воздух осветительные ракеты. Но каждый полёт мог оказаться последним.

— Нет! — говорил начальник.— Больше вас не пушу. Эх, и почему я не птица?

— Товарищ начальник! — каждый раз говорил ему Кеша.— Если не мы, то кто? Если б каждый так рассуждал, мы бы не победили в войне. Не покорили бы космос.

Снова и снова Кеша и Коля поднимались в воздух.

А в специально созданном штабе по спасению полярников не спали которые сутки. Думали, как оказать помощь. «Послать ледокол? Не успеет. Самолёт? А где он приземлится? Или, правильной, приснежится? Или, ещё правильной, прилечится? Нет!.. Только вертолёт... Но погода. Совсем не для таких полётов».

Наконец, решили — вертолёт. И не один, а два. Если с одним что-то случится, второй долетит. Спасёт и полярников, и экипаж первого вертолёта.

Вертолёты вылетели из Мурманска и взяли курс на север. Летели в кромешной тьме, по приборам. Кроме приборов, ничего не светило. Ни внутри кабины, ни снаружи. Сильные порывы ветра проникали в щели, раскачивали вертолёты в воздухе. Но смелые лётчики упорно вели свои машины на север.

Кеша и Коля из домика радиста держали с вертолётами постоянную радиосвязь. По их голосам определяли курс. Громче голос — правильно летим. Тише — надо взять чуть вправо или влево.

Кеша не умолкал ни на секунду:

— Прилетаю я как-то на Таити, а Хрюша мне и говорит... Кстати. Вы не были на Таити?

— Не были,— отвечали летчики.— Нас и здесь неплохо кормят. Чай, кофе, шоколад...

— «Марс»? — спрашивал Кеша.— Съел и порядок?

— «Баунти»,— шутили летчики.— Райское наслаждение. Тёплое море, пальмы...

— А не слишком ли жарко? — спрашивал Кеша.

— Не слишком. Минус 32 в тени.

— А на солнце? — спрашивал Коля.

— А кто его знает? Мы его полгода не видели.

Так проходил полёт. В доброй непринуждённой обстановке. Все старались друг друга ободрить.

Наконец, лётчики услышали радостный голос Кеши:

— Видим вас! Видим! Возьмите немного на запад. Там льдина. Километрах в двух. Летите туда.

— А как же вы? — спросили лётчики.

— А мы сами прилетим, своим ходом! — бодро ответили Кеша и Коля.— За нас не волнуйтесь.

Вертолёты повернули на запад, и через минуту лётчики увидели сигнальные ракеты. Полярники были спасены!

МОСКВА ВСТРЕЧАЕТ ГЕРОЕВ

На Большой земле все неотрывно следили за операцией по спасению. Не отходили от телевизоров и радиоприёмников. Ждали последних сообщений.

И Вовка вместе со всей страной ждал. И папа. И мама. И дядя Боря с тётей Наташей. И Вовка-2. И Айболит Айболитович. И много, много взрослых и ребят, врачей, рабочих, инженеров, художников, бизнесменов, аграриев. Чуть ли не 150 миллионов человек.

Вовкин папа говорил:

— Герой. Просто герой. Ай да Кеша!

А мама добавляла:

— Теперь до этого героя не дотянешься. Кто мы для него? Простые скромные букашки.

Вовка возмутился:

— Как можно так говорить? Это же — Кеша. Наш Кеша.

Через несколько дней Москва встречала полярников.

На Внуковском аэродроме был выстроен

почётный караул. Сам премьер-министр прибыл в длинном автомобиле. С эскортом, как положено. А с ним ещё вице-премьер. И несколько простых министров. Среди встречающих были деятели науки и культуры, депутаты Думы и политические деятели. Был среди них и Вовка. Но он был не в первых рядах, а среди сотен других встречающих. Он не стал говорить, что Кеша его друг. Никто б не поверил.

И вот в небе появился самолёт. Белая стрелка на синем февральском небе. Всё ближе, всё ниже. Сверкнули солнечные зайчики в окошках иллюминаторов. Самолёт коснулся бетона. Прокатился сотню метров по взлётно-посадочной полосе. Остановился. И медленно поехал к толпе встречающих. К почётному караулу, девушкам с хлебом-солью, премьер-министру, оркестру, журналистам и телекамерам.

Первым произнёс речь премьер-министр. Премьер — это и есть первый. Поэтому он и первым произносит речи.

Затем произнёс речь начальник полярной экспедиции.

А затем слово предоставили Кеше.

— Дамы и господа,— сказал Кеша со специальной трибуны.— Джентльмены и товарищи! Лэди и бэби. От своего лица и лица Коли позвольте выразить нашу сердечную благодарность за столь горячий и сердечный приём. Все наши чувства и наши помыслы, все наши мечты и надежды... Наши... мысли и сердца... Наши...

Кеша запнулся. Он много раз видел по телевизору, как принято говорить в подобных случаях, но не думал, что самому придётся.

— Наши чаяния в минуты отчаяния...

Коля незаметно подобрался к кешиным ботинкам и ударил его клювом. Кеша взглянул на него и всё понял.

— Спасибо! — сказал он встречающим.— Большое спасибо!..

Раздались аплодисменты, засверкали вспышки корреспондентов, заработали кино- и телекамеры.

Подъехал празднично украшенный автобус. Полярники, а с ними Кеша и Коля поднялись в автобус и сели на удобные кожаные сиденья. Автобус тронулся, толпа встречающих расступилась. Снова раздались приветственные возгласы и аплодисменты.

И вдруг Кеша разглядел среди встречающих Вовку. Кеша подпрыгнул и закричал водителю:

— Остановите! Пожалуйста. Это же Вовка!

Автобус зашипел и остановился. Открылась дверь. Кеша выскочил из автобуса. А навстречу ему уже бежал Вовка с огромным букетом цветов:

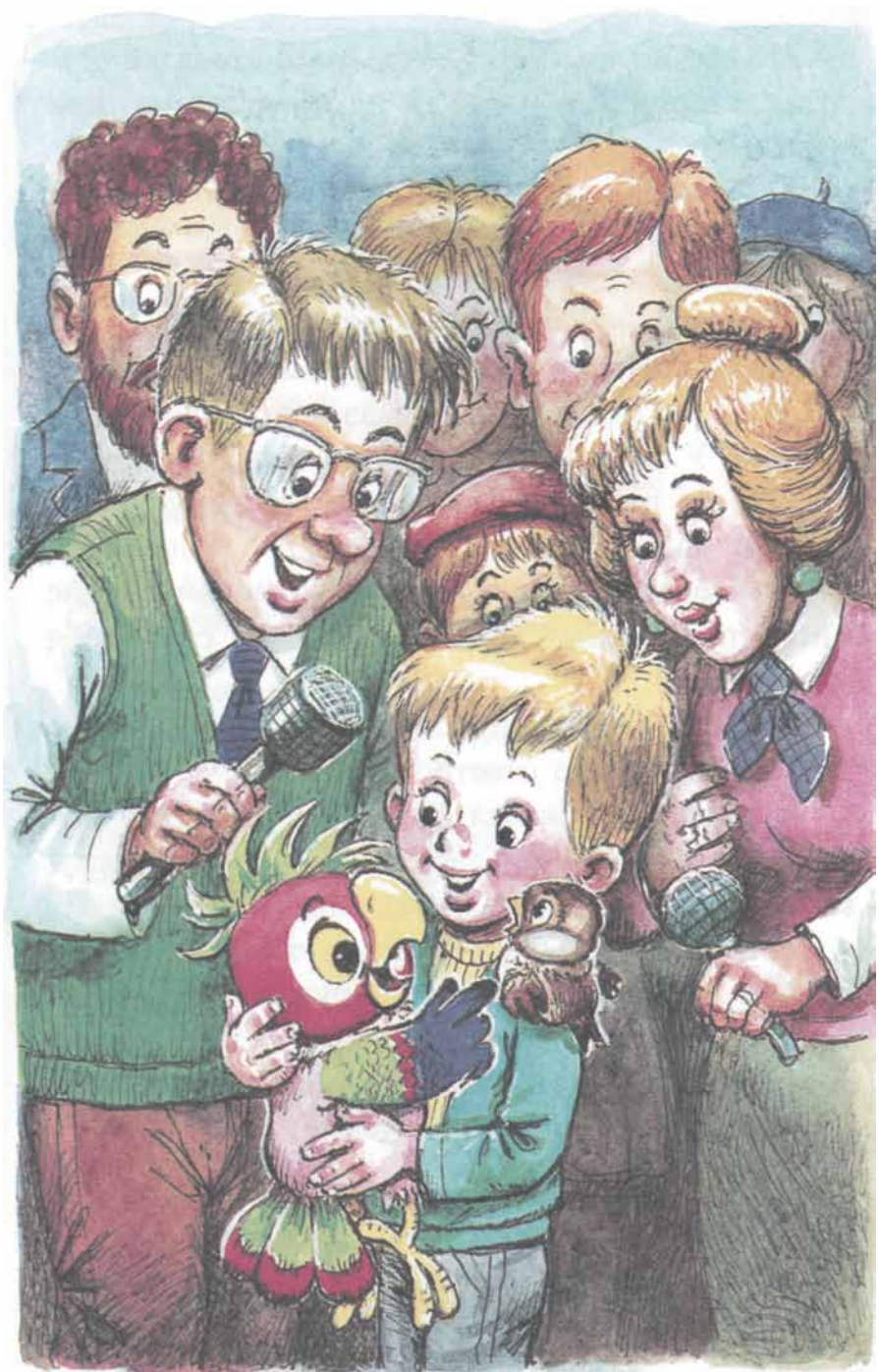
— Ке-ша!

— Вов-ка!

Их окружили журналисты, корреспонденты.

— Это — Вовка, мой лучший друг,— сказал Кеша,— Так и передайте. Так и напишите во всех газетах и журналах!

Но тут он заметил Колю. Коля стоял на ступеньках автобуса, и никто не обращал на него внимания.

— Коля! — крикнул ему Кеша.— Ко-ля! Лети к нам. Быстрей!

Коля не заставил себя ждать.

— А это — Коля. Мой лучший друг.

Из окошек автобуса выглядывали полярники.

— И это мои друзья,— сказал Кеша.— Самые лучшие. У меня много друзей. Самых лучших!

Кто-то из корреспондентов протянул в его сторону микрофон:

— Скажите... Программа «Новости»... У вас много прекрасных друзей. А как вы сами себя оцениваете?

— Как? — переспросил Кеша.

Все ждали его ответа.

— Знаете,— сказал Кеша.— Есть такая поговорка: «Скажи, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты!»

И все очень обрадовались такому ответу. Хороший человек не будет дружить с плохим. Если твой друг хороший, значит, и ты... Тоже... Наверно, неплохой человек. А попугай ты или воробей... Какое имеет значение?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	
Кеша — друг человека	4
<i>Глава вторая</i>	
Дядя Боря — лётчик	9
<i>Глава третья</i>	
Вы попались, Штирлиц!	13
<i>Глава четвёртая</i>	
Родительский дом, начало начал	20
<i>Глава пятая</i>	
Кеша — знаменитость, Кеша — звезда!.....	28
<i>Глава шестая</i>	
Однажды, в студёную зимнюю пору.	35
<i>Глава седьмая</i>	
Сам пропадай, но друга выручай.	41
<i>Глава восьмая</i>	
Кеша нанимается на работу.....	48
<i>Глава девятая</i>	
Под крышей дома своего.	55
<i>Глава десятая</i>	
Сижу за решёткой, в темнице сырой.	62
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Птицы счастья завтрашнего дня.	68
<i>Глава двенадцатая</i>	
Первая посадка	76
<i>Глава тринадцатая</i>	
Рейс «Москва — Африка».	82
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Вот тебе и Африка!	88
<i>Глава пятнадцатая</i>	
В жизни всегда есть место для подвига.....	94
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Вертолёты летят на помощь.	102
<i>Глава семнадцатая</i>	
Москва встречает героев.	106